

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 25

1981

Георгий МДИВАНИ

НЕОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 25

Георгий МДИВАНИ

НЕОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1981

Георгий МДИВАНИ

Георгий Давидович Мдивани родился в 1905 году в селе Багдади (ныне Маяковски).

Георгий Мдивани пришел в литературу в 20-х годах, с 1929 года работает в области киносценарной. Известность принесли ему многочисленные драматические произведения, среди них такие пьесы, как «Альказар» (1936), «Честь» (1937), «Небо Москвы» (1943), «Новые времена» (1952), «День рождения Терезы» (1961), «Твой дядя Миша» (1966), «Большая мама» (1971). Широкую популярность получили фильмы, поставленные по его сценариям: «Рядовой Александр Матросов», «Солдат Иван Бровкин», «Последний из Сабудара» и другие.

Георгий Мдивани — заслуженный деятель искусств Грузинской ССР, лауреат Государственной премии Азербайджанской ССР.

КАК Я ОКАЗАЛСЯ ТРУСОМ

Мы всегда охотились вместе. Нас было четверо. Старше всех среди нас был Леонид. Мы называли его Леней.

Было у нас два Владимира, но, чтобы не путать их, одного звали по отчеству — Родионович, а другого — просто Володей.

Была уже ночь, когда мы подъехали к избе егеря. Маленькая, худенькая женщина открыла нам дверь.

С холодного морозного воздуха мне показалось, что мы попали в парную. Захотелось поскорее снять теплую одежду.

В избе было невероятно влажно и стоял сладкий, приторный запах смолы свежего сруба.

— Значит, приехали? — слышался хриплый басистый голос Степана. Так звали егеря.

Женщина зажгла керосиновую лампу. В избе стало светло. И тут появился высокий, широкоплечий, худой человек в одной рубашке и подштанниках. На вид ему было лет сорок пять. Очевидно, он привык, заходя в избу, слегка наклоняться, чтобы головой не задеть дверную притолоку, и поэтому несколько сутулился.

— Здравствуйте! — ответил на наше приветствие хозяин. — Хорошо, что приехали.

По высокому лбу Степана градом лил пот. Его темные взъерошенные волосы блестели, будто смазанные жиром. У него был вид больного человека. Мокрая сорочка прилипала к груди.

— Сны какие-то видел... черт бы их побрал... — сказал Степан, — хорошо, что разбудили.

— Что с тобой, Степан? — спросил Володя, давно знавший егеря.

— Совсем он у меня никудышный стал, болеет и болеет... — отозвалась из-за перегородки жена Степана.

— Придумаешь, «болеет»... — ответил Степан жене и пригласил нас садиться.

— Давно болеешь? — спросил Володя.

— Уже целую неделю, — слышался в ответ голос жены.

— Да чепуха, всего два дня, — сказал Степан.

— Вчера даже доктора пригласила, — сердито буркнула жена. — Велел не вставать. А он в бане парится в этакий мороз.

— Я свой организм знаю лучше твоего доктора!..— сказал Степан.

— У него температура...— сказала жена,— тридцать девять градусов вчера была.

— Это вчера, а сегодня я совсем здоров,— тихо произнес Степан, закладывая дрова в печь.

Слушая этот разговор, я уже чувствовал, что охота у нас не состоится, и очень сожалел об этом, потому что охотиться на лося товарищи взяли меня в первый раз и мне очень хотелось, чтобы охота была удачной.

Жена егеря поставила самовар. Стала убирать стол, чтобы поужинать.

Сверху, с печки, склонились четыре взлохмаченные детские головки. Старшему было не больше семи лет. Дети разглядывали нас немигающими глазами и молчали. Щечки у них были румяные, обветренные, какие можно видеть только у деревенских ребят зимой.

Володя вынул из кармана конфеты и раздал их ребятам. Они молча жевали конфеты, как кролики, не переставая глядеть на нас любопытными глазами.

Вскоре мы уже ужинали. Приятно шумел пузатый самовар. Степан с увлечением рассказывал, что в этом году появилось много лосей. Осенью он собственными глазами видел четырех старых быков, которые яростно дрались между собой. У одного были рога с двенадцатью ответвлениями.

Степан уверял нас, что в радиусе десяти километров можно устроить хорошую охоту. Снег этой зимой глубокий, и лоси далеко не уходят. Охота будет удачной.

Мы все радовались рассказу Степана. Только Леонид, самый флегматичный из нас, скептически поглядывал на Степана, допивая уже вторую крынку молока.

Леонид раньше всех поднялся из-за стола и, выбрав самое удобное место, как он это всегда делал, улегся на полу, где уже были разостланы тюфяки.

— Тебе, Степан, нельзя идти на охоту,— сказал Володя, глядя, как Степан обливается потом.

— Ничего, Владимир Николаевич,— ответил Степан.— Такое со мной бывает. Болезнь меня не возьмет,— сказал он, пошел к двери и в одной сорочке вышел из избы.

— Куда это он? — с удивлением спросил я жену егеря.

— Да это ничего,— сказала она.— Он пошел поваляться в снегу, это ему помогает.

Накинув на себя полушубок, я выбежал за Степаном и увидел, как он скинул сорочку и начал растирать тело снегом. Так продолжалось несколько минут. Потом Степан вошел в избу, выпил чайный стакан водки, влез под одеяло и попросил жену накрыть его овчиной поверх одеяла.

Когда я лег рядом с Леонидом, он мне шепнул на ухо:

— Никакой охоты сегодня не будет, Степан сильно болен. Он сейчас возбужден нашим приездом и крепится, а утром он не встанет.

Мы не спали, тревожно дремали. Только Леонид уснул богатырским сном.

В конце концов я тоже, вероятно, уснул.

Открыв глаза, я увидел стоящего посредине избы Степана, уже одетого.

— Вставайте, третий час... — сказал Степан.

Все оделись. Только Леонид продолжал лежать.

— Ты чего не встаешь? — спросил его Володя.

— У меня что-то нога разболелась, — ответил Леонид. — Я остаюсь здесь. Похожу поблизости на зайца.

Мы шли долго. Шли молча. Слышен был только легкий скрип скользящих по смерзшемуся снегу лыж. Мы были так увлечены предстоящей охотой, что не замечали ни усталости, ни колючего мороза, не замечали ледяного ветра, от которого деревенели щеки, лоб, нос...

Мы старались не отставать от Степана. Он шел впереди, чуть раскачиваясь, — высокий, большой и ладный, одетый в овчинный полушубок и чем-то напоминающий медведя, и прокладывавал лыжню, по которой нам уже было легко скользить.

Только истинный охотник поймет эту неудержимую страсть, которая заставляет бросить теплую городскую квартиру и мягкую постель и темной, морозной предраассветной ночью бродить по лесам и полям, спотыкаться и падать от усталости, проклинать судьбу, но все же настойчиво продолжать путь, преодолевая десятки километров труднейшей дороги, и все для того, чтобы, может быть, сделать только единственный выстрел.

К утру мы вышли на широкое поле. Нигде не было видно деревни, не было слышно ни лая собак, ни далекого шума поезда. Вдоль всего поля шли мачты высоковольтной линии передачи и пропадали в лесу. А лес был еще окутан предутренней морозной дымкой.

Мы остановились. Такую торжественную тишину трудно представить тому, кто ни разу не бывал ранним зимним утром в глухих русских лесах и полях, далеко от городов.

В ложбине недвижно стояли одинокие березы. Их покрытые инеем ветки напоминали тончайший ажурный узор, будто выгравированный на матовом стекле рукой искусного мастера... А далеко за плотным одеялом снегов виднелся густой лес.

— Лиса прошла, — сказал Степан, разглядывая снег перед собой.

И действительно, подобно ровной строчке швейной машины, на огромной, ослепительно белой простыне поля шли вперед, не сворачивая никуда в сторону, удивительно ровные следы зверя.

Как только мы тронулись с места, мое внимание привлекли ровные лунки на снегу, похожие на большие воронки. Не успел я спросить, что это значит, как вздрогнул от неожиданного сильного шума. Вокруг нас снег словно ожил, и в воздух, будто от взрыва, полетели белые комки снега, а вслед за ними, хлопая крыльями, один за другим стали выскакивать тетерева, устремляясь в лес.

Никто из нас даже не потянулся за ружьем. Есть у охотников свой закон: когда идешь на крупного зверя — не стрелять по дичи. Сегодня у всех нас было только одно стремление: подстрелить самого крупного зверя русских лесов — лося.

А если мы его найдем, кто из нас окажется тем счастливецом, на которого выйдет лось?.. Здесь и охотничий азарт, заставляющий преодолевать усталость, голод и мороз, здесь и гордость удачи перед товарищами, о которой потом долго будут говорить, потому что человек, убивший лося, — всеми признанный охотник из охотников и никто уже не посмеет избрать его мишенью для шуток у костра.

Для меня сегодняшняя охота представляла особой интерес. Я с детства привык ходить по горным лесам и ущельям Грузии, выслеживая диких коз и кабанов, охотиться в Алазанской долине и поднимать из-под лагавой собаки длиннохвостых петухов-фазанов, похожих на подброшенный высоко в воздух букет пестрых полевых цветов; простаивать часами в камышах на утренних и вечерних зорях и стрелять по стаям уток, — но никогда мне не доводилось охотиться на лося.

Четыре раза в этот день нам попадались следы лосей, и все четыре раза мы становились в номера, и егерь и его подручные устраивали загон. Но каждый раз нас постигала неудача: лоси исчезали так быстро и ловко, что мы не могли даже увидеть их.

В конце дня прояснилось, и в морозной дымке показалось солнце, клонящееся к горизонту. Глазам было больно смотреть на ослепительно блестящую снежную равнину.

Мы думали, что наша неудачная охота уже заканчивается и, усевшись на лыжах в круг, стали рассказывать друг другу старые охотничьи истории.

Начался разговор о том, как прекрасна природа, как отдыхает человек, когда он далеко от шума большого города, с его вечным запахом бензина, сутолокой, гудками машин. Но в этих разговорах чувствовалась какая-то тоска, а не искреннее восхищение природой. Каждый из охотников в душе сокрушался, потому что охота не удалась.

Вдруг к нам подбежал вспотевший, запыхавшийся Степан и взволнованно воскликнул:

— Лось!.. Старый бык! Копыта — во!! — И он развел руки примерно на полметра.

Минут через пять мы все уже стояли в номерах. Заходящее солнце светило нам в спину.

Передо мной была маленькая прогалина, а вокруг мелколесье: молодой ельник, смешанный с березой и осиной. С правой стороны от меня был овраг, а слева виднелась заснеженная лесная дорога.

Я не видел своих товарищей. Они стояли по сторонам от меня метрах в ста.

Помню, когда егерь ставил меня на номер, он шепнул:

— Не зевайте! Лось обязательно выйдет сюда!

Как я узнал позже, эти слова он с такой же убежденностью шептал на ухо каждому из нас.

Я застыл в белом маскировочном халате, притаившись за маленькой елкой. Метров на семьдесят кругом мне были видны все выходы из леса.

В руках я сжимал двустолку. Единственным моим желанием было увидеть... хоть на миг увидеть лося, и тогда он от меня, конечно, не уйдет!

Я тихонько, пока еще было можно, несколько раз проверил замки ружья. Все в порядке. Один легкий нажим пальцем — и раздается выстрел!

Проходили томительные минуты... самые томительные. Наступила такая тишина, что я слышал биение собственного сердца и невольно думал: вот в эти минуты и постигаешь всю сладость, все блаженство страсти охотника.

Неужели лось выйдет не на меня?.. Ведь егерь сказал, что он должен выйти именно сюда, на меня!

Чем дальше, тем мне становилось беспокойнее: начало казаться, что я стою на неудачном месте. Лучше я перейду вот туда, поближе к оврагу... Нет! Останусь здесь... ведь егерь сказал, что надо стоять именно здесь...

А вдруг кто-нибудь опередит меня и выстрелит раньше? Вдруг лось выйдет не на меня?.. Это, конечно, тоже неплохо, но я сам хочу увидеть лося, сам хочу свалить его.

Когда охотник стоит в засаде, он различает такие мелочи, которых раньше никогда бы не заметил; даже глаза его становятся зорче и слух обостренней.

Вдруг я услышал далекий шум, похожий на глухой стук колотушки деревенского ночного сторожа. Стук приближался... Но он то прекращался, то снова возобновлялся. Мне показалось, что это егерь бьет палкой по ветвям деревьев.

Однако вскоре над мелколесьем появились ветвистые рога огромного лося. Но он был еще слишком далеко от меня.

Лось все приближался, задевая рогами ветки деревьев и издавая шум, напоминающий стук колотушки.

Я, наверное, еще никогда в жизни так не волновался, но ни на минуту не забывал, что стрелять с далекого расстояния не следует: неудачный выстрел может испортить всю охоту.

Спасаясь от преследования егеря, лось шагал медленно и чинно, все ближе и ближе подходя ко мне. Я уже был убежден, что ему не уйти от моей пули.

Никогда раньше я не видел лося, ни в зоопарке, ни на воле, и думал, что он не больше обычного быка или лошади. Но на опушку вышел лесной великан, красавец-гигант на стройных, сильных ногах. Он возвышался над молодыми деревьями, величаво держа голову с огромными, широкими, ветвистыми рогами.

Я мог уже стрелять, но не спешил. Все равно его уже ничто не спасет! Может быть, лось подойдет еще ближе и мне удастся выбрать самое верное место — левую лопатку.

Лось меня не видел; постояв неподвижно несколько секунд и прислушавшись, он снова пошел на меня. Вдруг шагах в пятнадцати он почуял что-то неладное и остановился как вкопанный. Глядя на меня своими умными и, казалось, грустными глазами, лось заволновался. Он стоял все так же, не двигаясь с места, и смотрел на меня как обреченный, будто чувствуя, что попал в ловушку и одно неосторожное движение может стоить ему жизни.

Я все еще не спешил стрелять и уже спокойно, не без любопытства разглядывал его темный, серо-коричневый корпус, переходящий внизу живота в светло-серую шерсть, разглядывал рога и даже насчитал двенадцать ответвлений. Значит, ему двенадцать лет.

Но за эти несколько секунд я уже привык к лосю, и мне почему-то стало стыдно стрелять. Я с детства занимался охотой, никогда в жизни не целился ни в лошадь, ни в корову, почему же я должен сейчас стрелять в это мирное, горделивое животное? Ну, черт с ней, с охотой! Уже одного того, что я могу убить лося, вполне достаточно, начал я уговаривать себя.

Но я ведь охотник... И, с другой стороны, посудите сами: сто километров на машине, ночь в душной избе, двадцать километров на лыжах по морозу, под обжигающим ледяным ветром, — и все это только для того, чтобы упустить лося, который стоит перед тобой?.. Нет, надо стрелять! Но приложить к плечу ружье было выше моих сил.

Мне показалось, что лось успокоился. Оглядев меня еще раз, он медленно повернулся и, не прибавляя шага, изредка оглядываясь назад, начал уходить в лес.

Отойдя немного и как будто все еще не веря чуду, он снова остановился и опять посмотрел на меня. И в эту секунду я вспомнил своих товарищей-охотников, которые с таким нетерпением ждут удачного выстрела. Но лось, точно почувствовав мои мысли, рванулся всем своим могучим телом и, ломая кустарник и ветки деревьев, исчез в чаще леса.

Я снова услышал звуки, похожие на стук колотушки ночного сторожа, но теперь они все дальше и дальше уходили от меня... Однако почему-то я не жалел о случившемся.

Когда мои товарищи по следам лося обнаружили, что меня от зверя отделяло всего пятнадцать шагов и я без труда мог убить его, они стали бранить меня и всячески издеваться надо мной. Они называли меня и малодушным и трусом только потому, что я не решился стрелять в такое мирное животное, которое, даже будучи раненным, никогда не нападает на человека.

Я стоически выдержал все эти насмешки, а где-то в сердце теплилось радостное чувство, что я увидел лося в первый раз не в зоопарке, а в лесу, на воле...

Больше всех недоумевал Степан. Он никак не мог понять, почему я не выстрелил, и, глядя на меня, все время укоризненно качал головой.

Чтобы успокоить товарищей, я «признался», что струсил.

Вечером я рассказал Леониду о том, что со мной случилось на охоте.

— У меня никогда не поднялась бы рука выстрелить в лося, — как всегда, спокойно ответил Лёня, — вот почему я сказался «больным» и не пошел с вами. — И спокойная улыбка осветила его всегда серьезное лицо.

ЛАБАША

Я вырос в семье охотника и видел много хороших собак, но таких, как Диана и Лабаша, никогда не встречал! Я их купил в дачном местечке Коджоры возле Тбилиси, у вдовы знаменитого охотника. Собаки были костромской породы; их черные спины блестели, уши, ноги и головы были светло-коричневые, а глаза... глаза такие умные, что когда Диана смотрела на меня благодарным, любящим взглядом, я готов был иной раз заговорить с ней.

Она словно была сделана из хрупкого фарфора, гладкая и поджарая, на тонких, изящных ногах. Ее мордочка заканчивалась выпуклым лбом, а большие, тонкие уши небрежно свисали, как концы казачьего башлыка.

Лабаша был менее приветлив и на вид даже несколько грубоват. Он как будто с презрением относился к чрезмерной суетливости Дианы, но с достоинством переносил от нее все обиды — и когда она наступала лапой на его уши и когда после охоты отнимала у него еду.

Да, Лабаша, пожалуй, только одной ей прощал обиды, прощал все. Я не помню случая, чтобы он огрызнулся на Диану. Но других собак

Лабаша не признавал. С отчаянной храбростью он нападал даже на кавказских овчарок, которых бояться не только собаки, но и опытные, старые волки. Лабаша за его строптивый характер не раз наказывали. У него ключьями висело изодранное правое ухо, он заметно прихрамывал на переднюю правую лапу, а на ребре у него виднелась длинная светлая полоска — рубец от глубокой раны, нанесенной старым кабаном-секачом.

Да, Лабаша был похож на старого рыцаря. И, казалось, гордился своими шрамами.

Разве можно было сравнить с чем-нибудь удовольствие слушать Диану и Лабаша, когда они гнали зверя?! Это была настоящая симфония! Тонкий голос Дианы звенел, как колокольчик. А Лабаша ритмично басил. Как только Диана находила след, она тотчас же начинала визжать, подавая сигналы. Лабаша же лаял только тогда, когда пускался преследовать зверя по свежему следу.

Я рассказываю о моих собаках не потому, что они являются главными героями происшествия, которое я хочу здесь описать, а просто я не могу о них вспоминать спокойно. О том же, как героически погиб Лабаша, я расскажу потом.

Если вы не бывали в октябре под Тбилиси или в Кахетии, вам будет трудно представить, что такое осень в Грузии, когда наступают безоблачные солнечные дни и теплые, очень теплые, бархатные ночи... В это время кажется, что природа словно нарочно перестает буйствовать, чтобы дать возможность людям собрать богатый урожай.

В октябре янтарем сверкают спелые гроздья винограда; на сухих стеблях висят длинные початки кукурузы. Гнутся под тяжестью сочных плодов ветви яблоневых и грушевых деревьев... Густым сиропом сочатся переспелые, сладкие плоды инжира. В воздухе пахнет медом и молодым вином...

В октябре же наступает и охотничья пора. Много птиц и зверей водится в Грузии, и у каждого охотника своя страсть. Я люблю охоту на зайца с хорошими гончими. Диана и Лабаша доставляли мне немало удовольствия; они сначала поднимали зайца, потом прибежали ко мне, находили место, где я стоял, снова исчезали и гнали на меня зверя. И гнали безошибочно.

В сорока километрах от Тбилиси есть замечательные места для охоты на зайца.

Это невысокие скалистые горы, одетые мелким кустарником и низкорослыми, корявыми деревьями, главным образом — дубками, дикими яблонями и орешником. Когда стоишь на одной горе, можно ясно различить все, что происходит на соседней.

Всюду вьются тропинки, а по ущельям змеятся русла высохших мелких речушек.

Заяц будет бежать обязательно по одной из таких тропинок;

поэтому охотнику легко наблюдать за движением собак и выбрать подходящее для стрельбы место.

В октябре здесь красивее чем когда бы то ни было. Эти места славятся лесным кизилом. И все кусты словно светятся неподвижными горящими факелами. В это время года листья кизилowych деревьев уже желтеют, а плоды их становятся огненно-красными.

В то утро я встал рано, чтобы еще в темноте пройти километров восемь и попасть на новое место, где еще не охотился. Говорили, что там много зайцев.

Благодаря моим собакам ко мне всегда примазывались спутники. И в это утро со мной на новое место шел один из местных страстных охотников. Это был человек одержимый: как только наступал охотничий сезон, он готов был бросить все — и дом и работу, — только бы день и ночь бродить по лесам. Он любил моих собак и знал, что охотиться с ними — истинное удовольствие.

Этот азартный, маленького роста человек то забегал вперед, то шел рядом со мной и с увлечением говорил о том, какая превосходная у нас сегодня должна быть охота.

Было еще темно, когда мы почти ползком спускались по скалистой тропинке. Небо на востоке розовело, как зрелый персик. В воздухе стояла такая тишина, что за три километра было слышно журчание маленькой горной речушки.

Место, выбранное нами для охоты, находилось в долине, между горами. Здесь поблизости не было деревень из-за отсутствия годной для обработки земли. Не было видно ни одного домика. Только на горе высились разрушенные стены старинной крепости. В долине зеленел молодой, густой лес.

Солнце еще не поднялось, но уже было достаточно светло, и все вокруг — и камни, и трава, и лес — было покрыто матовым серебром утренней росы.

Я выбрал подходящее место и остановился.

Мой спутник обогнул лес и спустил собак метров за двести — триста от меня.

Не прошло и минуты, как звонкий голос Дианы разбудил спящий лес. И сразу же послышался лай Лабаша.

Не успел я поднять ружье, как раздался выстрел моего спутника и сразу же послышался его радостный возглас. Он звал собак полюбоваться первым трофеем и прекратить преследование.

До восхода солнца убили трех зайцев. Всех их застрелил мой неутомимый товарищ. Он как будто привораживал к себе зайцев. Как только собаки поднимали зверька, он несся к нему.

Я был доволен удачной охотой, но в то же время досадовал на то, что удачи выпадали не мне, а моему спутнику.

Когда солнце легло на горизонт, лучи его ослепили меня, и я только

сейчас понял, что стою на неудачном месте, так как мне трудно будет разглядеть бегущих из чащи зайцев.

Я сделал несколько шагов, чтобы переменить место, но вдруг услышал пронзительный визг Дианы, а за ним непрерывный, необычный для Лабаша лай.

Я сразу понял, что собаки лают не на зайца, быстро вернулся на прежнее место и, несмотря на то, что солнце слепило мне глаза, притаился, не двигаясь и не шевелясь.

Лай приближался.

«Неужели собаки гонят волка? Возможно, — думал я. — А может быть, лисицу? Но тогда они не лаяли бы с таким остервенением...»

В голосе Дианы слышался страх. И Лабаша в интервалах между лаем необычно рычал.

Лай все приближался. Для меня уже не оставалось сомнения в том, что собаки гонят не зайца.

Я держал в руках двустолку, заряженную дробью пятого номера. Таким зарядом можно убить зайца, утку, но не крупного зверя.

При мне не было ни картечи, ни крупной дроби. В этих местах они были не нужны.

У меня под ногами вилась тропинка, а между мной и опушкой была небольшая полянка, метров двадцать — тридцать.

Я сидел на корточках возле куста шиповника и не отрывал взгляда от тропинки.

Собаки то и дело останавливались, а потом снова начинали лаять. Теперь я был убежден, что они гнали крупного зверя. «Но что это за зверь? Медведи здесь не водятся. Лет двадцать тому назад под Тбилиси был убит бенгальский тигр, забежавший сюда из Индии. Бывали случаи, что местные жители убивали спускавшихся с гор леопардов. Но кого гонят сейчас собаки?» — недоумевал я.

Я вспомнил, что дня два тому назад колхозники жаловались, что нашли в лесу растерзанную корову. А до этого какой-то хищник уничтожил несколько баранов.

Затем я вспомнил, что в сумке у меня лежит патрон с первым номером дроби, которая гораздо крупнее пятого.

Я сделал движение рукой, чтобы снять рюкзак, но... было уже поздно. На поляну выскочил какой-то пестрый, большой зверь, какого я еще никогда не видел. Почувств человека, он остановился и уставился на меня.

Все произошло так молниеносно, что трудно было принять какое-либо решение.

«Конечно, надо отступить и дать дорогу зверю, чтобы он пробежал мимо», — успел я подумать.

Но едва я сделал шаг в сторону, как зверь присел на пружинистых лапах, готовясь прыгнуть вперед: отступать ему было уже поздно, — собаки гнались за ним по пятам...

Я понял, что и мне отступать поздно, — надо стрелять.

Но куда? В глаза!.. И я выстрелил в переносицу зверя и сразу же отскочил в сторону, зная, что раненый хищник чаще всего идет на охотника.

Я оказался прав. Зверь сделал прыжок и бросился к тому месту, где я только что стоял.

Куст шиповника был разодран, и по поведению моей жертвы я понял, что зверь ослеп.

С пяти шагов я выстрелил еще раз. На таком расстоянии дробь летит, как пуля, и мой заряд пробил зверю лопатку. Упав на спину, он распростерся на земле.

Мой бесстрашный пес Лабаши подбежал к умирающему хищнику и схватил его за горло, но зверь ударил его лапой, разорвав морду.

На выстрел прибежал мой товарищ. И только сейчас мы увидели, что у зверя короткий хвост, а на ушах большие, черные кисточки. Это был крупный экземпляр горной рыси.

Велика была радость окрестных колхозников, когда они увидели, как мы несли на длинной жерди убитого хищника.

Долго мучился Лабаши, пока не зажила его рваная рана под ухом.

Да, я обещал рассказать о трагическом конце Лабаши.

...Через год после этого случая я охотился в кварельских горах Кахетии. Мы вели охоту с загонем, на кабана. К вечеру возвращались в долину с трофеями.

Усталые Диана и Лабаши шли обособленно — они не были в своре с другими собаками.

В последний раз я видел Лабаши, когда оставалось пройти не больше километра до виноградников. Придя на базу, мы узнали, что Лабаши нет. Я заволновался, стал расспрашивать других охотников, но они тоже не могли сказать, где отстала собака.

Я не вытерпел и, несмотря на усталость, взял ружье и электрический фонарик и отправился на поиски собаки по той же дороге, по которой только что возвращался.

Я звал свою собаку, прислушивался, но Лабаши не подавал голоса.

Спал я очень тревожно. Товарищи убеждали меня в том, что собака не пропадет, что, может быть, Лабаши заночевал где-нибудь во дворе у колхозника, но я не мог успокоиться.

Рано утром, взяв ружье, я пошел в горы, намереваясь дойти до того места, где в последний раз видел пса.

Часа три-четыре я бродил по лесу, до хрипоты звал собаку, но нигде не мог ее обнаружить.

Возвращаясь после бесплодных поисков домой, я встретил идущего из лесу местного охотника, который, узнав, что я ищу свою собаку, сочувственно покачал головой и сказал мне:

— Ваша собака ночью погибла. — И он повел меня в сторону от тропинки.

Метрах в ста шла другая дорожка, вернее, звериная тропа. На ней стоял волчий капкан. Бедный Лабаша вечером попал в капкан, а ночью пришли волки. Пес долго вел неравную борьбу с жестокими хищниками. Трава вокруг капкана была измята, земля изрыта, всюду валялись клочья волчьей и собачьей шерсти. Было видно, что храбрый пес дорого продал свою жизнь.

Диана еще долго жила у меня. До сих пор местные охотники при виде хороших собак говорят:

— Это потомки Дианы и Лабаши!

МИТРОФАН ИВАНОВИЧ

Часто неосведомленные люди думают, что охотник — человек с ружьем — может охотиться где угодно, сколько угодно и убивать все что ему заблагорассудится. Но это не так. Птицы и звери охраняются не только охотничьими обществами, но и каждым охотником. Строго по разрешениям и только по путевкам, выдаваемым охотничьими обществами, охотник-любитель едет в то или иное охотничье угодье.

Когда мы обратились за путевками в общество, было уже поздно. Все места в районе Московского моря и восточнее Московской области были уже распределены.

Нам посоветовали ехать в район деревни Федорцево, по Минскому шоссе, километров сто десять — сто двадцать от Москвы. Сказали, что там хорошие заливные луга, болота и всегда удачная весенняя охота.

Леонид и Родионович отказались ехать в незнакомые места. Поехали мы с Володей.

В субботу вечером по Минскому шоссе встречных машин было мало, и когда мы отъехали километров за сорок от Москвы, Володя, сидя за рулем, сказал:

— Даже не верится, что здесь совсем недавно стояли немцы... Знаешь, к местам, где стояли фашисты, в глубине души я отношусь иначе, совсем иначе, чем к земле, где не было врага. Я знаю, сразу это невозможно, но мне хочется, чтобы подряд были сильные морозы, много ветров и ливней, чтобы омыть эту землю и чтобы она снова зажила прежней цветущей жизнью. — Потом он улыбнулся. — Выспренно говорю, да? Но, ей-богу, от всего сердца.

— Я помню эту дорогу во время войны, — продолжал Володя. — Сейчас же, после освобождения Смоленска, подъезжая к городу, на обочине дороги, за кюветом, мой шофер увидел новенькую немецкую каску. Он остановил машину, чтобы взять ее. Я спешил и сказал шоферу:

— Езжай. Нечего брать эту дрянь. Их сейчас везде сколько угодно. И мы поехали дальше. Отъехав метров на двести, услышали позади сильный взрыв. Остановили машину и посмотрели назад. Там, где лежала немецкая каска, стояла машина-эмка. Мы вернулись обратно. У машины стоял ошарашенный и огорченный полковник. Он, оказывается, разрешил своему шоферу взять каску, а она была заминирована.

Отступая, остервеневший враг минировал не только дороги, но и расставлял всякие приманки, чтобы мстить победителям. А было это всего четыре года назад...

Мы подъехали к деревне, откуда надо было свернуть налево. Долго искали кого-нибудь, чтобы спросить, как проехать к Федорцеву.

В одном из домиков открыл нам двери человек без правой ноги. Мы осветили его фонарем.

— В Федорцево? — спросил он. — Вы, товарищи, туда на машине не доедете. Грязь непролазная.

— А далеко ли идти пешком? — спросил Володя.

— Точно не помню, но километров пять-шесть. Что для вас?! За час дойдете...

Мы оставили машину, взяли рюкзаки, ружья, электрические фонари и, свернув влево от деревни, пошли к Федорцеву. Хозяин дома нам объяснил, что это шестая деревня от Минского шоссе.

Сразу же, как только свернули от асфальта, мы поняли, что нас ждет тяжелая ночь.

Дорога казалась перепаханной. Мы шагали по колено в грязи по тяжелой вязкой земле.

Километра два мы шли больше часа. Я предложил Володе не расходовать батареи обеих фонарей и обходиться одним, чтобы до рассвета не остаться совсем без света. Рюкзак и ружье казались мне в два-три раза тяжелее обычного. Мы обливались потом. Такой тяжелой дороги мы никогда не испытывали. Первую деревню нельзя было назвать деревней. Здесь после войны еще ни до чего не дотрагивалась человеческая рука. Торчали только кирпичные трубы печей обугленных домов.

Мы шли молча. Слышно было только хлюпанье по грязи наших резиновых сапог. Впереди шел Володя, ладный, плечистый, здоровый, делая широкие шаги, чтобы меньше уставать. Я сзади освещал его. Шел он медленно, переваливаясь с боку на бок, а я старался не отставать и шагать по его следам. Но мне это было трудно, потому что Володя был высокого роста и шаг его был шире.

Володя остановился и сказал:

— Мы, по-моему, уже прошли километров семь! Неужели мы запутались?.. И спросить здесь некого?..

— Как запутались?! — ответил я. — Дорога-то одна!..

— Но там шла дорога налево,— показал рукой Володя.

— А он говорил, что нужно идти прямо, не сворачивая никуда,— сказал я.

— Да, так он сказал...— ответил Володя и пошел дальше. Я за ним.

Только часа через четыре мы подошли к шестой деревне. Здесь стояло несколько уцелевших домиков. Было поздно, и нигде не горел свет.

Постучались в первую избу. Отозвалась старая женщина.

— Здравствуйте,— сказал Володя.

— Здравствуйте,— ответила женщина.

— Не скажете, где здесь живет егерь Митрофан Иванович?

— А вот последний дом налево,— указала она.

Нам открыла дверь женщина лет тридцати. Увидев людей с ружьями и рюкзаками, она сразу поняла, что мы пришли к егерю.

— Войдите, пожалуйста,— пригласила она.

Мы вошли. Женщина зажгла свет. В хате чувствовалась рука хозяйки. На окнах чистые белые занавески. На стене висели семейные фотографии. В красном углу — иконы. Стояла маленькая этажерка с книгами. На этажерке — гипсовый раскрашенный кот-копилка.

Надраенные стены и пол блестели, как свежий воск, и особо выделялась побеленная, как снег, русская печь.

После непролазной грязи на дороге и на фоне выжженных огнем, почерневших деревень, которые мы сегодня прошли, чистота этой хаты показалась нам особенно приятной и необычной.

Из другой комнаты вышел заспанный мальчик лет семи. Потирая кулаками глаза, он посмотрел на нас и сказал:

— Здравствуйте!

Володя, равнодушный к детям, потянул мальчика к себе и спросил:

— Как живешь?

— Хорошо,— ответил мальчик.

Хозяйка уже поставила самовар, расставила на столе пустые тарелки, стаканы. Мы выкладывали из рюкзаков хлеб, колбасу, яйца, сахар, печенье, чай.

Я думал, что егерь, вероятно, муж хозяйки и, наверное, он повел какого-нибудь охотника раньше нас посадить в шалаш. Есть охотники, которые любят с вечера сидеть в шалаше, чтобы, как говорится, «обжить» его.

Я спросил хозяйку:

— Где Митрофан Иванович?

— Сейчас...— ответила она и крикнула в сторону печки:— Дед, а дед?..

Послышалось какое-то кряхтенье, и с печки свесилась голова тщедушного старика, у которого клочками висели жидкие волосы

и борода. Он, щурясь на свет, долго разглядывал нас и после большой паузы хриплым голосом произнес:

— Ага... пришли... Я сейчас...

Он закопошился, потом начал сползать с печи и долго искал, куда бы упереться ногами.

Володя не вытерпел, подошел к старику, взял его за талию и поставил на пол.

Маленький, худой старичок едва стоял на ногах и долго гладил себе лоб и лицо руками. На вид ему было больше ста лет. Потом он начал что-то искать у печки, как будто ничего не видя, нащупал руками валенки и босыми ногами влез туда.

— Неужели это егерь? — на ухо спросил я Володю.

— Не может быть, — ответил он.

Старик напялил на себя тулуп и, едва переставляя ноги, вышел из хаты.

— А где Митрофан Иванович? — осторожно спросил я хозяйку.

— А вот Митрофан Иванович, — улыбаясь, ответила хозяйка, указав в сторону двери.

— Это он — егерь?! — удивленно спросил я.

Она весело засмеялась.

— Не беспокойтесь. Он сначала всегда такой, а потом разойдется. Он у нас, как пружина, очень медленно заводится, а потом не остановите его...

Митрофан Иванович вернулся в избу, потер руки и сказал:

— Давайте стаканчик!

Володя налил ему стакан водки. Старик выпил, взял кусок черного хлеба, понюхал и, не откусив, положил обратно.

— Ну, что же, охотнички, — сказал он, — птицы у нас в этом году много...

— Шалаши есть? — спросил Володя.

— Есть, а как же... — ответил Митрофан Иванович.

Хозяйка внесла самовар, и мы начали ужинать. Старик спросил:

— Который час?

Был уже третий час ночи.

— Ну, что же... часа два еще можно поспать, — сказал он.

Я смотрел на Митрофана Ивановича, и мне наша охота представлялась сомнительной.

Потом начался разговор об оккупантах, о том, как немцы вели себя в деревне.

Мы узнали, что Митрофан Иванович — отец мужа хозяйки, который погиб на войне. Узнали, что в деревне жителей всего девять человек, четыре семьи, что всего трое мужчин, дети и женщины. Во всей деревне всего две коровы.

— Слава богу, обе дойные, — сказала хозяйка.

— Фашисты уничтожили все живое. Свирепствовали, гады! — сказал старик и добавил: — И непонятно, почему люди бывают такими злыми?.. Они просто всех убивали, всех до единого. А уж, когда драпали от Москвы, совсем озверели...

— Как весна? — спросил Володя. — Что говорят старики? Какой будет в этом году урожай?

— Какой там урожай!.. — сказал старик. — Прежде сначала сеяли, потом богу молились, чтобы он дал хороший урожай... А сейчас еще зерно не бросили в землю, и сразу центнеры считаем, — старик махнул рукой и продолжил: — Какой может быть урожай без людей?! А людей совсем не стало. Одни бабы, дети и такие «молодцы», как я. — И он в сердцах выругался.

Когда Митрофан Иванович брал стакан, у него дрожали руки. Казалось, вот-вот его голова на тонкой, высокой шее упадет набок. И я никак не мог себе представить, как он нас доведет до шалашей.

Не знаю, сколько мы спали.

Когда проснулись, Митрофан Иванович уже завтракал.

В окнах мы увидели, что уже светало.

Володя с огорчением сказал:

— Мы зорьку проспали...

— Ничего, — ответил старик. — Сейчас утка летает целый день. Подсадные у меня хорошие. — Потом он встал, отряхнул бородку и сказал: — Пошли!..

Мы вышли из хаты. Впереди шел Митрофан Иванович, держа в руках корзину с подсадными утками. Он, едва передвигал ногами, качался с боку на бок, вот-вот упадет.

Мы медленно шли за ним. Потом заметили, что Митрофан Иванович прибавил шаг. Обернувшись к нам, он сказал:

— Что-то вы, дорогие мои, отстаете.

Володя посмотрел на меня и улыбнулся.

Вдруг Митрофан Иванович зашагал быстрее, как будто действительно его завели, как механическую игрушку, и он пошел обычным шагом.

Когда мы вышли к болотам, старик сказал:

— Знаете, здесь у меня есть два шалаша неплохих. Но, если вам не трудно, надо перейти через заливной луг, выйти к лесу, вон туда, и там гораздо лучше.

До леса было километра три. Я с подозрением взглянул на Володю. Володя в ответ моргнул мне и сказал:

— Пошли!..

— Только прошу вас, — сказал старик, — на лугу будут подниматься птицы. Пожалуйста, не стреляйте. Случайно можно убить утку, а не селезня. — И он быстро пошел вперед.

Идти по заливному лугу было довольно трудно. Ноги увязали в болоте. Старик шел легко, как будто по грунтовой дороге, и нам неудобно было отставать от Митрофана Ивановича.

Он часто оглядывался на меня и говорил:

— Видно, не привыкли ходить по болотам?..

Мне было стыдно признаться, что не могу догнать нашего егеря.

— Знаете, я скрывался в этом лесу, когда здесь немцы были, — сказал старик. — И не только я один. Вся деревня скрывалась. Немцы сказали нашим людям, что Москву уже взяли. В октябре это было, в сорок первом... Вы понимаете, какое у нас было горе: эх, думаем, фашисты взяли нашу Москву. Все плакали. Я в жизни много стрелял, а в человека — никогда! Но одного фрица я тогда укокошил... ей-богу, убил. Подкрался к нему, когда он брал воду из колодца, и свалил, сволоча, охотничьим ружьем... дуплетом... Перекрестился и сказал себе: хоть одного!..

У старика, когда он рассказывал это, горели глаза. Он нервно сжимал кулаки.

Ближе к лесу начались болота. Старик сказал, что здесь болота глубокие, но птица любит такие места.

Перед нами, на заливном лугу, шумно хлопая крыльями, из травы, как брошенные вверх камни, вылетали утки и уходили в сторону леса. Я несколько раз вскидывал ружье, а старик, укоризненно глядя на меня, отрицательно качал головой.

Я отвечал:

— Это же селезень.

— Да, но ошибочно можно убить и утку. А утка — это уже целое гнездо, десять — двенадцать яиц. Значит, десять — двенадцать будущих птенцов, а потом десять — двенадцать уток. Осенью они улетают, а весной возвращаются обратно сюда, на наши болота, на родину, так сказать... Весной стрелять влет не надо... С птицей не надо ошибаться.

Старик сначала посадил меня в шалаш, а потом повел к другому Володю.

Не успели они дойти до шалаша, как из деревни донесся грохот сильного взрыва. Я выскочил из шалаша. Мимо меня буквально пробежал Митрофан Иванович. За ним — Володя.

— Что случилось? — спросил я.

— Мина... — отозвался Митрофан Иванович. — Кто-то подорвался на мине...

Старик стал неузнаваем. Бежал он, как молодой человек. Мы едва поспевали за ним.

— Не мой ли Петя?.. Мой внук... Он мог пойти за нами... — в отчаянии шептал старик. Он бежал через луг, не переводя дыхания. Володя сначала не отставал от него, я не мог догнать их. Потом и Володя не мог уже угнаться за стариком. Он остановился. Я подошел к Володе.

Мы увидели, как из деревни бежали к болотам люди. Слышны были голоса. Какая-то женщина кричала больше всех.

— Кто-то погиб,— сказал Володя.— Не мальчик ли... Он действительно мог пойти за дедом.

И мы быстрее пошли к болотам. Потом крики утихли: люди что-то осматривали. Когда мы подошли ближе, то увидели, что у края болота валяется корова. Она подорвалась на mine...

Хозяйка коровы утирала слезы. Все молчали.

В стороне от людей, сидя на корточках, Митрофан Иванович взволнованно прижимал к груди внука и что-то шептал ему на ухо.

— Разве наши саперы не работали здесь? — спросил Володя мужчину, одетого в солдатскую шинель.

— Работали,— ответил он.— Но мин было уйма и кое-где еще остались. И вот вам...

Когда мы поднимались в горку к деревне, Володя остановился, оглянулся назад и сказал:

— Посмотри, как мы шли отсюда к лесу. Прошли вот так,— указал он пальцем в сторону болот, а потом перевел взгляд туда, где лежала подорвавшаяся на mine корова.

— Да...— ответил я.— Мы проходили это место. Впереди шел старик, потом ты, а потом я. И, наверное, достаточно было кому-нибудь из нас шагнуть на десять—пятнадцать сантиметров левее...

— И корова не погибла бы!..— улыбаясь, добавил Володя.

ЭТУ НОЧЬ НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕМ

Когда начиналась охота, субботы казались нам самыми длинными днями недели. Через каждые десять минут мы звонили друг другу по телефону и лихорадочно собирались, хотя все давно уже было приготовлено: ружья вычищены, патроны проверены, рюкзаки заполнены, охотничьи костюмы приведены в порядок.

Ездили мы всегда в одной машине — либо в машине Володи, либо Родионовича.

Я давно живу в Москве, но такого теплого ноября, как в том году, не помню. А было это лет двадцать тому назад.

Ноябрь подходил к концу, но морозов еще не было. Получили сведения, что на Московском море уйма селезней. Именно селезней, потому что утка улетает раньше. И егеря, с которыми у нас была постоянная связь, с нетерпением звали нас на охоту.

Володя и Леня были людьми занятыми, и в этот день мы ждали их до десяти часов вечера. Ко мне последнему подъехала машина, за рулем сидел Володя. Я уже ждал их во дворе. Быстро уложил рюкзак в багажник, взял ружье и сел рядом с Родионовичем. Мы с ним, как могли, издевались над этими бюрократами, которые даже в субботу

вечером не имеют возможности распоряжаться своим временем. Они молчали, только иногда называли нас бездельниками, людьми безответственными.

Ночь была лунная, ясная, и замечательный асфальт Ленинградского шоссе нес нас, как будто на крыльях.

До деревни Леоново, на южном берегу Московского моря, было около ста двадцати километров. Там нас ждали, чтобы переправить на противоположный берег. Для этого надо было плыть девять-десять километров. Там переночевать в избе бакенщика, а под утро выйти в шалаши на охоту.

Было около двенадцати часов ночи, когда мы добрались до Леонова. Нас радовало то, что ночь была лунная, ясная, без малейшего ветерка, а море гладкое, как бесконечное зеленое поле.

Митя — однорукий егерь, бывший пехотинец, радостно встретил нас.

Здесь же была Серафима — Сима, как мы ее называли, — дочь бакенщика, мотористка. Девушка серьезная, деловая, Сима часто заменяла отца в ненастные ночи, когда море волновалось. А Московское море иной раз по-настоящему и грозно волнуется.

В моторную лодку, кроме Симы, сели Митя, я и Родионович. К моторке прицепили довольно большую лодку, куда мы уложили все свои тяжелые рюкзаки, ружья, туда же сели Володя и Леонид.

Родионович на эту охоту взял свое недавно купленное дорогое ружье «Голан-голан» с двумя парами стволов и радовался, что сегодня он его впервые проверит на охоте.

Все мы были одеты очень тепло. На нас были десантные костюмы на пуховой подкладке, на ногах, под резиновыми сапогами — теплые меховые носки, шапки-ушанки и очень теплые свитеры. Несмотря на это, когда мы отошли от берега и от движения лодки подул встречный ветер, мы начали поеживаться от холода. Ноябрь все же давал себя знать.

Мерно и спокойно гудел мотор, гулким эхом отдаваясь на далеких берегах.

Мы все дальше и дальше уходили от берега. Все молчали, очарованные лунной ночью и спокойным морем. Часто недалеко от нас с шумом взлетали испуганные птицы, и все вокруг говорило о том, что охота у нас будет приятной и удачной.

Когда ты наедине с природой, когда никого и ничего не видишь, кроме лунного неба, глади воды и чернеющих островков высоких камышей, то забываешь о всех своих дневных хлопотах.

Мы плыли спокойно, даже не слышали шума мотора своей лодки. Но вдруг — рывок... Нас сильно качнуло. Мотор сам по себе заглох. Мы быстро оглянулись назад, и ...о ужас!.. На глади воды было видно только выпуклое дно нашей прицепной лодки. Она перевернулась. И не видно было ни Володи, ни Лени.

Не успели мы и крикнуть, как вынырнул Лёня и начал хвататься за лодку, стараясь как-нибудь влезть на нее. Но Лёня соскальзывал обратно и снова окунался в воду. Он так лихорадочно действовал, что мы поняли: ему очень трудно...

Мы не видели Володю...

Но вдруг рядом с лодкой показалась голова Володи.

Увидев, как Лёня безрезультатно пытается влезть на перевернутую вверх дном лодку, он сказал:

— Оставь лодку, пошли! — И они оба поплыли к нам.

Перевернутая лодка сильно дергала нашу моторку, и она наполнялась водой.

Я ножом быстро перерезал толстую веревку, соединявшую с прицепом.

Первым подплыл к нам Лёня. Несмотря на то что между перевернутой лодкой и нами было не больше шести метров, Лёня тяжело дышал и сразу уцепился обеими руками за борт моторки.

От места происшествия до берега было больше двух километров. С другой стороны подплыл Володя.

— Я не могу больше, — задыхаясь, сказал Лёня.

— Давайте втащим его, — сказал Володя.

Втянуть в такую маленькую лодку грузного Лёню в набухшем костюме было не только сложно, но и очень опасно для всех нас.

Мы выбросили из лодки все лишнее, вплоть до досок сидений и, удерживая равновесие, постепенно начали втаскивать Леонида в лодку. Володя подплыл под Лёню и приподнял его своими плечами.

Наконец грузное тело Лёни, самого высокого и здорового среди нас, очутилось в лодке. Лёня, лежа лицом вверх, улыбнулся и сказал: «Все!» Но это было сказано так, что непонятно, означало ли это, что всем нам конец, или то, что он сам уже в безопасности.

Не больше десяти сантиметров отделяли борт нашей лодки от воды, поэтому каждое неосторожное движение кого-либо из нас могло вызвать катастрофу.

Мы начали грести руками и двигаться постепенно к южному берегу. Володя плыл рядом, держась одной рукой за борт лодки.

Мы отошли от места происшествия всего метров пятьдесят, когда Володя сказал:

— Товарищи, я больше не могу...

— А что делать? — спросила Сима.

— Во-первых, я замерз, — сказал Володя, — а во-вторых, плыть уже не могу. Руки и ноги не подчиняются. — Потом он взглянул на меня и сказал: — А главное то, что ты не умеешь плавать.

Я спросил Володю:

— Если я не умею плавать, значит, ты должен утонуть?

— Нет, но... — сказал Володя, и мне показалось, что он нырнул.

Я успел схватить его за волосы, но вместо волос в руках у меня осталась его ушанка. Тут я впервые почувствовал страх. Вижу, Володя тонет.

И вдруг я перехватил инициативу и начал командовать:

— Сима, снимай мотор, бросай его в воду!

— Что вы?.. — с ужасом спросила Сима.

— Снимай, мотор, говорю, выбрось его! — повторил я.

Сима быстро отвинтила мотор и бросила в воду. Лодке стало легче, борта ее поднялись над водой.

Володя вытянулся вдоль лодки. Леня лежал без движения. Мы с Симой, Родионовичем и одноруким Митей начали медленно тянуть вверх Володю. Сам он старался не двигаться, понимая, что иначе все мы погибнем.

Минут через десять мы Володю втащили в лодку и уложили рядом с Леной, точнее, поверх него. Но тут мы заметили, что наша лодка медленно, но верно уходит в воду...

Первой опомнилась Сима и с необыкновенной быстротой стала вычерпывать воду из лодки. Ей помогал Родионович, который все время молчал и спокойно действовал.

У меня на коленях лежала лицом вверх голова Володи.

Я никогда не забуду его глаза, тем более что в эту лунную ночь было все видно, почти как днем.

Он тихо спросил меня:

— Тебе страшно?

— Не валяй дурака! — ответил я.

— Тебе, конечно, страшно, — сказал он мне. — Ты же не умеешь плавать.

— А если ты умеешь, это тебе сейчас поможет? — спросил я его.

— Да, конечно... — прошептал Володя и улыбнулся. — Ты знаешь... Если мы сегодня останемся живы, то эту ночь никогда не забудем, — сказал он и добавил: — Это же хорошо!

— Иди ты к черту со своим «хорошо», — сказал я ему.

В это время я смотрел, как Сима лихорадочно работала. Если бы не эта отважная девушка, не писал бы я сегодня этого рассказа и не осталось бы ни одного свидетеля нашего происшествия. Даже Симы не осталось бы! Девятнадцатилетняя сильная девушка, выросшая на воде, и она не смогла бы доплыть до берега.

Спокойнее всех оставался Леня, лежавший на дне лодки. Только один раз он сказал:

— Володя, какой ты, оказывается, тяжелый.

Сима работала без отдыха. Она наверняка знала, что ее жизнь и жизнь всех нас сейчас в ее руках и в черпалке, которую, как она потом говорила, сегодня случайно захватила в лодку.

Мы понемножку гребли руками. Руки замерзли, а лодка была тяжелой. Мы плыли к берегу, но берег почти не приближался. Мы

долго плыли. Небо постепенно заволакивало тучами. Мы боялись ветра, даже ветерка. Не дай бог, начало бы волноваться море... Даже маленькая зыбь была бы для нас катастрофой.

Видно, долго терпел Ленья. Потом он так неожиданно шевельнулся на дне лодки, что через борт полилась вода.

— Я больше не могу... лучше я поплыву, — сказал он.

— Давай оглушим его, — сказал я.

— Да, это единственный выход, — весьма серьезно сказал Володя и добавил: — Может быть, потом он все-таки выживет...

— Но у нас не осталось никаких тяжелых предметов, — сказал Родионович.

— Я кулаком... — сказал Володя. — У меня крепкий удар.

— Вы шутите, — сказал Ленья, — а я сейчас переверну лодку. Я дышать не могу.

Очень осторожно пришлось нам уложить на дно лодки Володю, а сверху на него Ленью. Сейчас уже голова Лени лежала у меня на коленях. Он посмотрел на небо и произнес:

— Как хорошо!..

— Я долго так не выдержу, — слышался со дна лодки голос Володи.

— Хватит, больше менять не будем, — сказал Родионович, — лежи там, если потеряешь сознание, откачаем на берегу.

— Если, конечно, доберемся до берега... — серьезно добавил Митя.

— Доберемся, — сказала Сима.

Если бы ветер подул на полчаса раньше, оказались бы мы все на дне моря. Но ветер подул тогда, когда до берега оставалось метров сто.

И здесь я увидел невероятное. Вдруг из лодки в воду прыгнула Сима, обошла ее с кормы и начала толкать лодку к берегу. Только в нескольких метрах от берега лодка утонула. Но здесь уже все мы могли встать на ноги, и вода была нам только по грудь.

Берег вокруг был безлюдный, не было видно ни одной избы. Недалеко черной стеной стоял лес.

Только выйдя на берег, мы поняли, что у нас не осталось ни одного ружья, ни одного рюкзака, ни крошки хлеба, ни бутылки водки, которая так нужна была в эти минуты замерзшим людям. Все это ушло на дно моря, и, как потом определили знающие люди, наверное, все это оказалось в русле реки Шоши, протекающей через все Московское море.

Люди часто простуживаются в собственной квартире при открытой форточке. В эту ночь мы все были мокрые до последней ниточки от холодной ноябрьской воды.

Мы долго стояли молча и смотрели туда, откуда мы вернулись. А вернулись мы, можно сказать, из пасти смерти. Но никто из нас

о смерти не думал. Все мы были ошарашены и даже поначалу не улыбались, ничего не говорили о происшедшем, — настолько все это было для нас неожиданным, непредвиденным и внезапным.

Сима, единственная из нас, действовала по-деловому. Она вытащила пустую лодку на берег. Потом сказала:

— А мотор-то был совсем новый...

Эти слова Симы отрезвили нас, и мы начали хохотать. Тут же стали вспоминать и спрашивать у Лени и Володи, почему лодка перевернулась.

Володя сказал, что Леня потянулся за «Голан-голаном» Родионова, потерял равновесие и опрокинул лодку.

У педантичного, обстоятельного Лени, несмотря на то, что он не курил, оказалась зажигалка. Через несколько минут уже горел большой костер. Пламя его уходило вверх на несколько метров. И мы все в ноябрьскую холодную ночь разделись догола. Скинули мы с себя все, оставшись в одних трусах. И стали сушить свои костюмы.

Мы все время кружились вокруг собственной оси, так как с одной стороны было очень жарко, а с другой — очень холодно. Но нам было невероятно весело, и никто из нас не боялся простудиться, получить воспаление легких или даже насморк.

Мокрый Митя сразу куда-то убежал. Не прошло и получаса, как он вернулся, и с ним пришли несколько мужчин с двумя повозками. Нас уложили на повозки, сверху навалили сено.

В большой избе, куда нас привезли, топилась русская печь. Вскоре на столе появилась горячая картошка, соленые огурцы и капуста, крынки с молоком, хлеб, даже водка и многое другое.

И всего через час каждый из нас в отдельной лодке уже плыл к шалашам. Появились у нас и ружья, и патроны, и все, что полагается охотнику на охоте.

Утро было холодное и ветренное. В такую погоду птица летит низко. Селезни шли то одиночками, то стаями.

И мы охотились. Только поздно вечером сели в машину и уехали в Москву.

Всю обратную дорогу мы издевались над Ленею. Спрашивали, для чего ему понадобилось в лодке тянуться к ружью... Мы говорили, что никогда больше его на охоту не возьмем... Леня молчал, а потом сказал, что, если он не упал бы в воду, не перевернулась лодка и мы не тонули бы, — не было бы сегодня такой удачной охоты.

— Разве все это не прекрасно?! — сказал он.

И никто из нас не вспоминал о потерянных ружьях. Даже Родионович не вспоминал о своем «Голан-голане», из которого он так и не успел сделать ни одного выстрела.

КОГДА ПАДАЮТ КАШТАНЫ

Когда поздней осенью идешь по горному лесу Грузии, все время слышишь шум падающих сверху каштанов. Сначала лопается похожая на крошечного ежика оболочка с острыми шипами, а затем два темно-коричневых каштана летят вниз, задевая уже пожелтевшие листья и ветви деревьев. В лесах Кахетии, под Кварели, даже через фуражку иной раз бывает больно, когда падают каштаны.

Стоят здесь деревья обхвата в три, вытянувшись ввысь! А там, наверху, широчайшие зонты могучих крон бросают тень на ущелья и ложбины, окутанные колючей паутиной ежевики.

Трудно здесь ходить скалистыми тропами — ноги скользят по глянцевым каштанам, и кустарники стараются не пропустить тебя, цепляясь за твою одежду.

Было еще темно, когда десять охотников оставили маленькую деревушку, расположенную у самого подножия гор, и двинулись в путь.

За охотниками слава, что они очень разговорчивые люди. Не смею оспаривать! И большинство из них, конечно, любят позлословить, поиздеваться над неудачливым товарищем, как следует поиздеваться! Однако, как правило, когда еще затемно они отправляются на охоту, все молчат и подчиняются указаниям егеря или старшего — ведущего в группе.

Сегодня нашим руководителем был Отар Сагинашвили — председатель виноградарского колхоза. Он шел впереди, я за ним. Он молча шагал, покачиваясь на своих длинных, пружинистых ногах. На фоне светлеющего неба я видел его высокую, худую фигуру. Плечи его казались мне слишком широкими, и длинная шея венчалась маленькой головой в национальной шерстяной шапке, напоминающей глубокое блюдо.

Я шел и думал о нашем вожаке. Только охотник, человек, много бродивший по горам и лесам, может так легко шагать, как шагает Отар — этот сорокалетний мужчина, на вид еще совсем юноша. Он несколько раз оборачивался, наклонялся ко мне и шептал:

— Погода хорошая! Сегодня будет охота! Настоящая!..

За нами шли восемь человек. Слышно было только, как шуршали по земле их мягкие чужаки. А когда я оборачивался назад, то видел несколько светящихся точек, мерцающих в темноте, как светлячки... Это охотники старались накуриться вдоволь, потому что знали: в лесу Отар им не разрешит зажигать спички, — во-первых, осень и много сухой листвы, а во-вторых, кабан, как никто из зверей, чувствует запах человека, тем более курильщика...

Справа и слева от нас расстилались кахетинские виноградники. Здесь родина знаменитых вин «Кварели» и «Киндзмараули». Здесь виноград держат на лозе до самой поздней осени, чтобы гроздь впитали в себя как можно больше солнца и набрали как можно больше сахара!

Мы шли. По шуму узнавали, что над нашими головами порой проносились какие-то большие птицы. В Кахетии много птиц — не только перепелов и вальдшнепов, — здесь настоящее царство фазанов. Знаменитых кахетинских фазанов!

У маленькой речки мы повернули влево и скоро вошли в лес и стали подыматься все выше и выше по еле заметным звериным тропам...

Мне казалось, что сегодня бесконечно долго не светает и бесконечно тянутся эти тропы... Позади нас нервно скулили и рвались собаки, которых вели на крепких поводках гонщики.

Отар чувствовал, что мне не терпится. Он взял меня за плечи и шепнул:

— Ничего... Скоро дойдем до места... до такого места, что ты даже представить себе не можешь! Я покажу тебе, что такое настоящая кахетинская охота!

Охота действительно была удачной: в трех гаях убили двух кабанов, и обоих сразил Отар. Он радовался, как ребенок, обнимал меня и говорил:

— Хорошее начало! Будет охота! Будет охота!

И мне казалось, что Отар жалел, что кабанов убил он, а не я — его гость.

Было десять часов утра, когда мы вышли на один из склонов каштанового леса. Здесь земля вокруг деревьев была изрыта кабанями, и во все стороны густого кустарника шли истоптанные тропы, на которых отчетливо были видны совсем еще свежие следы зверей.

Отар шепотом объяснил гонщикам, как обойти участок леса, откуда обогнуть речку и куда погнать зверя.

Шестеро охотников с собаками ушли направо, в глубь ущелья.

Отар двинулся налево. Мы трое молча следовали за ним. На его худой фигуре мешковато сидела выцветшая военная гимнастерка с тремя полосками фронтовых ранений; тонкая талия была перетянута патронташем; узкие брюки облегали его длинные ноги, на ногах — мягкие сапожки. Для этого человека как будто не существо-

вало крутых подъемов и спусков. Он всюду шагал одинаково легко и свободно.

За все это утро я ни разу не видел, чтобы Отар тяжело вздохнул. Он все время улыбался. На его гладко выбритом лице красовались прямой нос с горбинкой и большие черные глаза; низкий лоб завершался коротко подстриженными иссиня-черными волосами. Мне казалось, что его правый ус был немного длиннее левого. Я даже сказал ему об этом.

— Так больше нравится соседке, к которой я неравнодушен! — улыбнулся он.

Отар расположил нас вдоль тропинки по длинному склону. Позади и впереди нас было ущелье.

Первым внизу засел в номере один из охотников — учитель местной школы, человек, влюбленный в природу. Его сегодня все радовало! И восход солнца, который действительно был величественным и каким-то неправдоподобным, радовал его, и утренняя роса на листьях, и вывороченные буреломом столетние деревья, и непроходимые чащи, и гнилой ствол давно высохшего дерева, и запах цветов, и колючки, которые вонзаются в тело и безжалостно, до крови царапают лицо и руки... Все нравилось учителю! Сначала это умиляло нас, а потом уже начало злить. Отар даже шепнул мне на ухо, что с этим «типом» больше на охоту никогда не пойдет — он слишком много болтает, а здесь надо уметь не только восхищаться природой, но и стрелять! А стрелять учитель не умел. Он два раза промазал в кабана... Но Тархан — так звали учителя — доказывал, что кабан был очень похож на домашнюю свинью, и он долго сомневался, стрелять ему или нет, и, когда выстрелил, было уже поздно... И учитель был рад, что ни разу не попал в зверя. «Пусть живет бедное животное!» — говорил он.

За Тарханом, выше по склону, встал я. Выше меня встал Отар. А за Отаром, на самой верхушке склона, — еще один стрелок.

Я стоял за деревом, за которым могли свободно спрятаться несколько человек. Лес здесь был редким, и, казалось, каждое дерево хотело захватить для себя как можно больше пространства, чтобы рядом не росли другие деревья. Серебристые стволы раздались вширь, а ветви напоминали гигантские голые руки, вытянутые к небу, на пальцах которых горели просвеченные солнцем желтые листья каштанов... Склон, поросший ровным, низким мхом, был похож на цветистый ковер. А из-под мха, словно окаменевшие змеи, извиваясь, вылезали корни деревьев... Впереди меня, метрах в шестидесяти, было ущелье, обвитое непроходимыми колючками ежевики, кусты которой чернели спелыми ягодами...

Вокруг стояла тишина, птицы уже закончили свою утреннюю перекличку и притаились в кустах... То здесь, то там было слышно, как падали каштаны... Издалека шумела горная речка, которую мы прошли еще затемно.

Ничто не сравнится с ощущением, когда ты стоишь и поджидаешь зверя, когда знаешь, что зверь может выскочить на тебя, пробежать мимо, и ты должен стрелять точно, чтобы с первой же пули свалить кабана, иначе второй выстрел может и не успеть...

Я взглянул налево, вверх. И на расстоянии выстрела увидел Отара. Я удивился, как спокойно сидел он, прислонясь к дереву, и чем-то был занят... кажется, перебирал патроны. Потом я посмотрел направо, вниз — в сторону Тархана. Между нами было густое полесье, и я даже обрадовался, что не увидел учителя, потому что его присутствие делало нашу охоту какой-то несерьезной.

Я часто поглядывал на часы. Казалось, что прошел целый час, как мы расстались с гонщиками, а в действительности прошло всего двадцать минут! Я снова взглянул в сторону Отара. Он снял шапку и спокойно отирал платком лоб, не глядя по сторонам. Он еще не ожидал зверя, и меня это немного охладило. Напряжение спало, и, казалось, я потерял вкус к охоте. Мне вдруг почудилось, что сегодня охота уже кончилась, не будет больше выстрелов и я не увижу живого кабана... Правда, впереди еще целый месяц отдыха. И я наверняка убью кабана! Но мне хотелось сегодня, именно сегодня убить его, и жаль, что это уже не удастся... Я даже не заметил, как я присел и взял курки на замок.

Но вдруг до моего слуха донесся далекий лай гончей собаки. За ней взвыла и взревела вся свора. Лес наполнился лаем! И мгновенно вернулась ко мне прежняя напряженность. Я вскочил на ноги и приготовился.

Зверя надо искать не там, где собаки лают, а далеко от того места. Собаки могут лаять от тебя за километр, а зверь может быть близко, совсем рядом с тобой, и потому надо быть наготове. В такой охоте часто играет роль секунда — один миг, и ты можешь прозевать зверя.

Я снова бросил взгляд на Отара. Он стоял, прислонившись к дереву, держа ружье наизготове. Это еще больше усилило мое внимание... Мне показалось, что близко зашевелились кусты ежевики... Нет, мне не показалось! Кусты действительно шевелятся... А лай собак все ближе и ближе...

Я увидел, как в кустах мелькнуло что-то черное... большое... живое! У меня пересохло в горле. Я испугался, что зверь услышит мое прерывистое дыхание, и начал осторожно дышать открытым ртом. Я увидел, как зашевелились молодые каштаны и дубки... Большим пальцем правой руки я проверил замок двустволки, заряженной двумя пулями. У меня екнуло сердце, когда метрах в сорока от меня на бархатный ковер мха неожиданно выскочил бурый кавказский медведь... Почуввав засаду, зверь, присев на задние лапы, начал лихорадочно оглядываться по сторонам... Моя растерянность длилась недолго! Я ожидал кабана, а не медведя! Но сразу сообразил, что нельзя терять ни одной секунды, и, опережая свою же мысль,

выстрелил... Медведь взревел, свернулся в комок и покатился обратно в кусты ежевики...

Это произошло так молниеносно, что я не успел сделать второй выстрел. Но я знал, что раненый зверь обязательно выйдет сюда, на меня, а не навстречу несущимся с лаем собакам. А может быть, медведь уже убит? Может быть, бежать за ним в кустарники? Нет, этого делать нельзя? Нужно стоять на месте!

Я бросил взгляд в сторону Отара. Но он по-прежнему стоял у дерева, спокойно оглядываясь по сторонам.

Вдруг я вспомнил, что нет на свете страшнее зверя, чем раненый бурый кавказский медведь... От одной только мысли, что раненый хищник может выйти на учителя, который плохо стреляет и может пожалеть «бедное раненое животное», у меня застыла кровь в жилах... Я снова бросил тревожный взгляд на Отара. Он жестом успокоил меня, приказав стоять на месте.

В эти минуты я увидел, как из ложбины вырвался медведь и рванулся к Отару... Я стрелять не мог... между нами были кусты, и было слишком далеко... Меня волновало только одно: видит ли Отар, что к нему бежит раненый медведь?.. Да, он видит зверя! Вот Отар поднял ружье, спокойно прицелился и ждет... ждет, когда зверь приблизится к нему... А лай собак слышен все громче и все ближе!

Глядя на Отара, я не заметил, как справа от меня промчалось стадо кабанов... Мимо меня в длинных прыжках проносились быстроногие косули... Но мне было не до них! Все мое внимание было обращено туда... к Отару...

Вдруг Отар весь вытянулся, прижал к плечу ружье, спустил курок, но... осечка... Я слышал, как и второй курок дал осечку... Две осечки! Что могло случиться?.. Почему это произошло в такую роковую минуту?! Мне показалось, что Отар испугался... Он второй раз успел взвести курки, прицелился... Но снова осечка!

Я видел, как медведь встал на задние лапы. Зверь был почти такого же роста, как Отар... Я видел, как Отар отскочил назад... Он поскользнулся и упал в ложбину... За ним бросился медведь... Я услышал отчаянный крик Отара: «Помогите!»

Я сорвался с места и побежал вверх... У меня прерывалось дыхание. Волнение душило меня. Неужели Отар погиб?! Я бежал... И вот совсем близко лай собак. Нет, не потому мне было трудно, что бежал я по крутому склону, поросшему мхом, и ноги скользили по каштанам,— меня мучила мысль, почему Отар больше не зовет на помощь?.. Неужели медведь задрал его?! Эти сто метров показались мне нескончаемо длинной дорогой... Я бежал все быстрее и быстрее, но казалось, что расстояние не уменьшается...

В это время я снова услышал крик Отара, зовущего на помощь! Значит, идет борьба между зверем и человеком!

Вот наконец дерево, у которого стоял Отар. Я бросил взгляд в сторону ложбины... и перед моими глазами открылась страшная картина: лицом вверх лежал Отар и всеми силами старался высвободиться из-под навалившегося на него медведя. Левая рука его по самую кисть была уже в пасти медведя...

— Отар! — закричал я и кинулся к нему, не соображая, что голыми руками медведя не возьмешь. А на расстоянии одного метра стрелять не будешь!

Но, к счастью, медведь опередил меня и, поднявшись во весь рост, пошел на меня... Нас разделяло около трех метров. Я успел выстрелить в зверя в упор. Медведь покачнулся, словно его ударили камнем в нос. Он съежился и бесшумно повалился на бок.

Бледный, с перекошенным от боли лицом, поднялся на ноги Отар. Правой рукой он сжимал запястье левой руки, которая безжизненно висела на сухожилиях. Кровь из раны хлестала фонтаном...

Я глядел на Отара, растерянный и беспомощный, не мог вымолвить ни слова и не знал, что делать...

— Перевяжи мне руку, скорей! — сказал Отар.

Я быстро оторвал кусок от своей сорочки и стал перевязывать руку ниже локтя.

— Туже! Туже завяжи! — командовал Отар.

Кровь начала останавливаться. Отар присел. Меня поражало его спокойствие — спокойствие человека, который знал, что он навсегда потерял руку.

— Можешь отрезать мне кисть? — сказал он, не глядя мне в глаза.

— Что ты? Зачем?! — пробормотал я.

— Так надо! — сказал Отар. — Но ты не сумеешь... Где же люди? Почему они так долго?.. — невероятно буднично и спокойно спросил Отар и замолчал.

Совсем близко были слышны крики погонщиков и лай собак.

Мы оба молчали и ждали, пока подойдут охотники. Я хотел сказать Отару хоть что-нибудь, все равно что... но не мог вымолвить ни слова. Меня поразило все, что произошло за эти несколько минут, поражало мужество Отара. Но больше всего меня поразили его первые слова:

— Прощай, моя охота!

Он ни о чем не думал в эту минуту, кроме того, что он больше не сможет стрелять.

Наверно, я глупо улыбнулся, но улыбнулся — это я хорошо помню! Я тут же придумал и рассказал Отару об одном моем фронтовом друге, который на Керченском фронте потерял левую руку. А сегодня он стреляет так хорошо правой рукой, что даже выступает на стеновых соревнованиях. Отар, конечно, этому не поверил и, недоверчиво посмотрев на меня, сказал:

— Может быть! Все может быть! Утром, конечно, я не думал, что останусь без руки! — И, поморщившись, добавил: — А больно... очень больно, черт возьми!

— А почему осечка? — вдруг вспомнил я.

— Из-за жадности! — ответил Отар. — Решил зарядить ружье старыми патронами... Думал, если даже осечка — не беда! Двух кабанов уже убил, значит, трофей-то есть! А старые патроны пожалел выбросить... не готовился я встретить здесь медведя, и к тому же раненного...

Первым к нам подошел учитель. Он озирался по сторонам, любуясь пейзажем осеннего леса.

— Какой прекрасный день! — благодушно произнес он, подходя к нам.

Я всегда думал, что люди фантазируют, когда говорят, что у человека от удивления вытягивается лицо, но, оказывается, это так и бывает. Я видел, как у учителя вытянулось лицо, мне показалось, что у него вытянулся череп... даже нос вытянулся у него от удивления.

— Что с вами?.. — прошептал он, глядя на руку Отара.

— Вы можете отрезать мне кисть? — спросил Отар.

Учитель вместо ответа медленно присел, прикрыв глаза, и упал... Да, упал в обморок, прямо у ног Отара.

Отар посмотрел на него и улыбнулся... улыбнулся настоящей веселой, лукавой улыбкой. И от этой улыбки у меня стало светло на душе.

— Тархан еще может умереть от страха! — уже с веселым хохотом сказал Отар и крикнул подошедшим гонщикам: — Эй, скорей сюда! Помогите человеку! — и он глазами указал на учителя.

Лет через пять я снова охотился в кварельских лесах. Конечно, и на этот раз охотой руководил Отар Сагинашвили! Он так легко скидывал свою двустолку и так метко стрелял, что большинство трофеев, как и прежде, пришлось на его долю.

— Помнишь, ты мне рассказывал о своем фронтовом друге, который остался без одной руки и который хорошо стрелял... и даже выступал на стендовых соревнованиях? — спросил Отар.

— Я тебя тогда обманул! — ответил я. — У меня не было такого друга.

— Зато теперь ты можешь не врать и можешь рассказывать всем, что у тебя есть такой друг! — Отар обнял меня своей правой рукой, крепко прижал к груди и, ласково глядя мне в лицо, сказал: — Понимаешь... если бы ты опоздал тогда хотя бы на две минуты... даже на несколько секунд, сегодня тебе пришлось бы охотиться без меня!..

ПОДСАДНАЯ КОЗА

Когда попадаешь под Кинешму, понимаешь, почему великий русский драматург Александр Николаевич Островский любил село Щелыково.

Кажется, трудно найти по всей России более спокойное место, чтобы жить и творить, чем окрестности Щелыкова.

Огромные массивы гигантских елей, уходящих высоко в небо, и поля вокруг деревень, и деревни далеко друг от друга, как будто люди искали место не мешать тишине.

Дома большие, из крупного кругляка, а деревни маленькие.

Было это после Великой Отечественной войны. Часто нам попадались совсем пустые деревни, без людей, с заброшенными домами. К крыльцам домов не видно было тропинок. Вокруг господствовал бурьян.

Грустно было смотреть на умершие деревни. Видно, люди бросали обжитые места и уходили в город. Но в некоторых деревнях еще жили люди, не желая расставаться с любимыми лесами и полями.

В Щелыкове, на территории усадьбы А. Н. Островского, находится дом отдыха Малого театра, где летом собирались и собираются актеры театра и близкие к театру люди. Лучшего места для отдыха не найдешь.

Здесь раздолье для охотника. Небывалое количество глухарей, тетеревов, рябчиков.

Особенно много их было после войны, когда несколько лет некому было в этих местах охотиться.

У Малого театра были свои охотники: Борис Бабочкин, Николай Светловидов, Николай Анненков. Одни были охотниками, выражаясь языком театра, «драматическими», а другие — «комедийными». Николай Анненков, этот большой артист, каждую свою удачу на охоте, каждый хороший свой выстрел воспринимал как торжество, как настоящую творческую победу и всегда с удовольствием рассказывал о ней среди друзей, говорил с увлечением своим бархатным голосом, как настоящий поэт. Приятно было слушать Анненкова. В своих рассказах он раскрывал сущность охоты, ее прелесть, ее удивительную увлекательность, азарт.

Охотником «комедийного» жанра среди нас был Николай Светловидов. У него была собака, сеттер-гордон, по имени Лана, милое и веселое существо, но необученное, ненаатасканное и невежливое. И Светловидов невероятно мучился с ней.

Натаканная легавая во время поиска птицы не выпускает из виду охотника, не отходит от него дальше, чем на расстояние выстрела, чтобы во время стойки не заставлять хозяина издалека бежать к ней.

Бедная Лана работала только по инстинкту, с рождения свойственному всем охотничьим собакам. В лесу Лана сразу убегала от своего хозяина, находила птицу и делала стойку, — часто за полкилометра, а иной раз и дальше, — где-то в глухой чаще леса. Бедная собака могла стоять в стойке даже целый час, напрасно ожидая своего хозяина.

Чтобы собака далеко не уходила от него, Светловидов надевал на Лану большое ярмо — длинную палку, и тогда бедный пес только жалобно глядел на хозяина и скулил.

Светловидов каждый раз клялся, что в следующем году он приедет в Щельково непременно с другой собакой. Но, несмотря на это, несколько лет подряд он приезжал только с Ланой. Мы смеялись, видя снова Лану, а Светловидов говорил:

— Я хотел уехать сюда без нее, но Лана смотрела на меня такими глазами, что я не мог отказать ей. Посмотрите, какие у нее глаза! Это же глаза человеческие!

Мы уходили на охоту рано утром или под вечер, перед заходом солнца. Часто мы не прикладывали ружья к плечу, не стреляли, но получали удовольствие от величия, спокойствия и красоты здешней природы.

Однажды мы с Борисом Бабочкиным, стоя у кустов малины, срывали и ели спелую сочную ягоду. Мое внимание привлекли две яркие точки в кусте малины... Я присмотрелся и увидел, что это глаза, настоящие испуганные глаза, круглые, как выпуклые большие блестящие черные пуговицы. Я увидел лохматую голову и морду маленького медведя, так похожего на большую плюшевую игрушку.

Бабочкин, стоя против меня, увидев медведя, удивленно и весело прошептал:

— Медведь!..

И действительно, из-под куста, как шар, выкатился маленький медведь — не медвежонок, а именно маленький медведь — и убежал в лес.

— Что это? — спросил я.

Бабочкин сказал мне, что это медведь-малинник.

— Я сам первый раз сейчас увидел такого зверенка, — с радостью говорил он. — Но слышал и читал, что такие существуют. — И с улыбкой продолжал: — Сколько можно увидеть и сколько можно познать нового, когда человек находится наедине с первозданной природой...

Больше других над Светловидовым всегда потешался Бабочкин. Но он любил с ним ходить на охоту. Он говорил:

— Знаешь, человек должен быстро переходить из одного душевного состояния в другое. Это всегда полезно и для здоровья и для творчества. Вот мы часто созерцаем великолепие здешних лесов, наслаждаемся невероятной тишиной... И вдруг — Светловидов со своей Ланой... И совсем уже другое настроение.

Светловидов не обижался на Бабочкина. Он знал цену шутке и радовался, когда другие над ним подшучивали, да и сам подшучивал над другими.

Однажды мы втроем, с Бабочкиным и Светловидовым, подходя к отдаленной деревне за глухими лесами, вышли на широкое поле и услышали крики женщин. Увидели странную картину: серая

большая собака хватала козу, буквально вскидывала ее себе на спину, убегала, потом спотыкалась и падала. Коза убегала от нее обратно, собака догоняла, снова хватала ее, опять вскидывала на спину, убегала и опять почему-то падала.

— Это же волк!..— крикнул Бабочкин. Вскинул ружье и побежал.

Но волк, увидев нас, бросил козу и убежал к лесу. Стрелять было далеко. Бабочкин остановился.

Кричавшие женщины окружили козу, и, когда мы подошли к ним, то увидели, что коза привязана длинной веревкой к колу, поэтому волк падал и не мог утащить ее.

Хозяйка громко причитала, разглядывала раны, нанесенные козе зубами волка, и ругала сына. Потом она вскочила на ноги и дала пощечину девятилетнему мальчику, который упрямо молчал.

Этот курносый, коренастый мальчик, с большой головой и высоким лбом, держа в руках одноствольное, старое охотничье ружье, стойко выдерживал крики и пощечины матери.

— Почему вы бьете ребенка? — спросил ее Бабочкин.

— Это не ребенок, а исчадие ада!..— ответила женщина.— Это он привязывает козу, чтобы волки приходили.

Я взял из рук мальчика ружье и разглядел его. Оно все было разболтано. Ствол в трех местах был привязан проволокой к прикладу. Открыв затвор, я вынул из дула латунный патрон, набитый до отказа вместо пыжа газетной бумагой.

— Разве этим можно убить волка? — спросил я.

— Можно,— коротко ответил мальчик и взял у меня из рук ружье.

Женщине жалко было расставаться с козой, она была дойная.

Бабочкин вынул из сумки пузырек с йодом и предложил хозяйке смазать козе раны. Коза вырывалась из рук хозяйки. Видно, крепко жег йод.

— Почему так далеко от деревни ты привязываешь козу? — спросил я мальчика.

— Чтобы волки пришли,— коротко ответил мальчик.

— Как тебя зовут? — спросил мальчика Бабочкин.

— Иван,— ответил мальчик.

— Тоже мне «Иван»!..— И мать снова дала подзатыльник сыну.

А тот, не двигаясь с места, упорно глядел в землю.

— А волков здесь много? — спросил Светловидов.

— Нет здесь волков,— ответил Иван.

— А мы только что сами видели волка,— сказал Светловидов.

— Это случайный, издалика пришел...— сказал Иван.

— Врет он! — вскрикнула мать.— Этот волк покоя нам не дает.

Все время приходит, чтобы стащить козу. Он хочет его убить и следит за ним и перевязывает козу с места на место.

— Подсадная коза...— засмеялся Светловидов.

Иван молчал, потом посмотрел на меня и сказал:

— У меня нет крупной дробы. Нет ли у вас картечи?

Я ему сказал, что у него ружье шестнадцатого калибра, а у меня двенадцатого.

— Ничего, я перезаряжу патрон,— ответил Иван.

Я дал ему три патрона с картечью и сказал, что нужно осторожно разрядить их.

— Это я знаю,— коротко ответил Иван и положил патроны в карман, не переставая смотреть в сторону леса, куда ушел волк.

Женщина отвязала козу и вместе с другими ушла в сторону деревни. Повернувшись, она крикнула Ивану:

— Придешь домой, я тебе покажу!.. Сломаю эту твою бандуру!

Когда мать отошла на достаточно большое расстояние, я спросил мальчика:

— Вдруг мама действительно сломает твоё ружье?!

— Я ружье давно прячу в лесу,— ответил он.— Она его не найдет.

Светловидов, глядя на весьма серьезного Ивана, начал вдруг неистово хохотать. Видно, Ивану этот смех не понравился, и, не попрощавшись с нами, он ушел в сторону деревни.

Бабочкин не смеялся и как-то задумчиво глядел вслед этому не по возрасту серьезному парню и тихо сказал:

— Характер!..

И после паузы продолжал:

— Вот так растет русский парень. Ходит в школу. Такой серьезный, неразговорчивый. У него свои желания, свои идеи. Вот он хочет этим своим никудышным ружьем убить волка... самого волка, а не зайца... И вот так... так рождаются характеры — необычные, сильные, упрямые!

До дома было километров восемь. Мы шли через темный лес, шли по просекам и тропинкам. Шли медленно, молча. Часто слышали прыжки пробегающего зайца, шум крыльев ночных птиц, крик совы.

Подходя к дому, Бабочкин вдруг, как будто все время за эту длинную дорогу думая о мальчике, сказал:

— Характер... ничего не поделаешь!..

Через неделю мы опять вышли к той деревне, где жил Иван, и увидели на стене, у крыльца хаты, растянутую на палках шкуру серого волка.

Светловидов, увидя шкуру, начал хохотать:

— Видите?.. Это работа Ивана!..

На крыльцо вышел Иван, увидел нас. На его лице не появилось улыбки, но была какая-то неопиcуемая гордость.

— Это ты убил? — спросил Бабочкин.

Вместо ответа Иван сказал:

— Здравствуйте!

— Здравствуй! — хором смущенно ответили мы. От удивления, увидев шкуру волка, мы забыли поздороваться с мальчиком.

— Хотите, я покажу место,— сказал Иван,— где я убил его? Мы вышли в поле, в стороне от деревни. И Иван показал на кол:

— Вот здесь я привязал козу. А вот здесь я вырыл яму,— он показал место метрах в тридцати от кола.— Сверху ямы я положил зеленые ветки и влез в засадку. Прицеливался вот на этот белый камень.— Иван показал на круглый белый камень, лежавший в стороне от ямы,— потому что я боялся, что волк заметит меня и убежит, когда я буду в него целиться. Я выбрал это место еще и потому, что утром ветерок дует от леса, откуда должен был выйти волк, а то он очень чует человека. Я увидел, как волк осторожно вышел из леса, огляделся по сторонам и пошел на козу. У меня очень сильно билось сердце, но я держался... — при этом Иван сжал кулак.— И я ждал, когда волк покажется между белым камнем и моим прицелом. Волк, увидев, что вокруг никого нет, быстро пошел на козу. И как только он оказался между камнем и ружьем, я нажал курок. Волк упал, начал крутиться, кусая землю. Потом он растянулся и притих. Из деревни прибежали люди,— продолжал Иван.— Мне советовали не подходить к волку, говорили, что он притворяется. Но я не испугался и подошел. Волк был мертв. Целый вечер потом к нам приходили соседи. Кто приносил курицу, кто крынку молока, кто буханку хлеба. Все одаривали меня.

— А кто освеживал волка? — спросил Бабочкин.

Иван удивленно взглянул на него, явно выражая недовольство тем, что Бабочкин сомневается в том, что он может не только убить зверя, но и снять с него шкуру.

Бабочкин, кажется, смутился. Он протянул свою двустволку Ивану и сказал:

— На тебе! От меня!

Иван взял ружье, долго молчал, не веря в чудо. Потом посмотрел на Бабочкина и вместо благодарности сказал:

— Я вас знаю. Вы — Чапаев!..

НА ОКЕ

Большого организатора издательского дела — директора издательства «Литературная газета» Василия Медведева знали все писатели и любили его.

Этот высокий, широкоплечий, всегда улыбающийся человек был страстным охотником.

И вот однажды, в начале апреля, он позвонил мне и сообщил, что на Оке уже появился селезень и надо в субботу ехать туда.

— Не может этого быть! — сказал я. — Пока всюду лед...

— Как хочешь... — коротко ответил Медведев, — желающих много, но я хочу ехать с вами, с тобой и с Володей.

Какой охотник может устоять от соблазна и не поехать, если есть хоть какая-нибудь надежда на охоту?!

Через полчаса я был уже в кабинете Медведева.

— Неужели ты не замечаешь, что сейчас дни теплее, чем обычно в это время года? — сказал он мне.

— Но Москва-река скована льдом, — ответил я.

— А туда, куда мы едем, — это южнее Москвы на целых сто сорок километров, — показал он мне рукой на карту Московской области.

Несмотря на то что я не верил, что утка уже прилетела, мне очень хотелось верить Медведеву. И через два часа мы уже ехали в сторону Егорьевска, через который пролегал наш путь.

Медведев был страшно возбужден.

— Я не понимаю жизнь человека, — говорил он, — который не охотится. Какая это, должно быть, скука и пустота.

Мы ехали через красивые деревни, где стояли избы, которые не могу назвать избами — до такой степени они были красочны, столько в них вложено души человека-строителя, столько изумительных орнаментов, кружев из дерева на наличниках окон и вдоль крыш, столько мастерства и желания сделать свою обитель красивой, радостной, необычной и немного сказочной, — и русский человек делает все это не только для себя, но и для тех, кто проезжает мимо его дома, чтобы помянули добрым словом мастера — самобытного художника, хозяина избы.

День был солнечный, но холодный.

Во многих местах еще лежал снег. Но он таял, и действительно по кюветам вдоль дороги шла вода.

Медведев торжествовал:

— Смотрите, как вокруг все тает... А вы не хотели ехать!

На высоких деревьях, у прошлогодних гнезд, шумели и толпились грачи — первые вестники наступления весны.

— Чудо-природа! — говорил Медведев. — Мальчиком я жил в деревне. Помню, в начале лета я взобрался на большой тополь и перевязал красной ниткой правые лапки птенцов. Потом они выросли и улетели за тысячи километров, на юг. А в следующем году прилетели обратно к своим гнездам, как хозяйка в собственный дом. И мои красные ниточки горели у них на лапках. Ученые называют это инстинктом. Это очень легкое объяснение, а нужно по-настоящему разобраться в этом чудо-явлении. — И он продолжал: — У меня была охотничья собака, легавая — ирландский сеттер. Трезором его звали. Два месяца ему было, когда я привел его в дом. Сам натаскивал его. Он потрясюще делал стойку и на боровую дичь, и на дупеля, и на бекасов. На уток я его не брал, боялся, что он простудится. Я уехал на лето отдыхать под Ленинград, в Комарово, и взял с собой Трезора. Во время отдыха меня срочно вызвали в Москву на два дня. Я улетел, а собаку оставил моему другу и просил не выпускать ее. Через два дня я уже вернулся в Комарово, и мой друг мне сообщил, что, когда его не было дома, собаку украли. Он заявил об этом всюду, куда следовало, и обещал сделать все, чтобы собаку найти. Я был крайне огорчен. Мой отдых был отравлен. На пятый день я получил телеграмму из Москвы, от жены, что Трезор дома. Худой, голодный, измученный пес вошел в переднюю и упал у ног хозяйки.

— Чем это назвать? — спросил Медведев. — Инстинктом? Черта с два! Это что-то большее! Я же вез его в поезде ночью, а он обратно пять дней и ночей шел до Москвы. Может быть, вдоль железной дороги, а может быть, и просто по шоссе.

Еще засветло мы приехали к Оке. Переехав мост, мы свернули налево и вдоль берега реки проехали еще километров пятнадцать и остановились на поляне, около леса.

Река еще была скована льдом, но надо льдом уже стояла вода.

Медведев торжествовал, увидев уток. Он оказался прав. Весна была ранней, и утка прилетела. Птицу природа редко может обмануть. Она действительно чувствует, что можно уже лететь на север, строить гнездо и выводить потомство.

Мы выгрузили из машины рюкзаки, ружья и быстро начали строить шалаши, чтобы с утра начать охоту.

От берега метрах в десяти был маленький островок, а вокруг островка уже стояла вода. Я выбрал этот островок для сооружения

своего шалаша. Взял несколько сухих больших палок, нарубил лапки елей, приготовил свою резиновую лодку, заложил туда топор, палки, лапник. Мне, как обычно, помогал Володя, который как никто умел строить шалаш.

В резиновых сапогах мы прошли до островка. Вода здесь была только до колен. Вытащил лодку на островок. Я начал строить шалаш, а Володя ушел, чтобы найти место для своего шалаша.

Медведев выбрал место недалеко от меня. Он быстрее всех построил шалаш. Любо было посмотреть на этого человека, как он целиком отдавался своему увлечению.

Островок, на котором я строил шалаш, был величиной в тридцать—сорок квадратных метров. Я строил шалаш посередине островка. Взял четыре высокие сухие палки, сверху завязал их веревкой, расставил их в полутора метрах друг от друга, и получился каркас шалаша.

В двадцати—тридцати метрах от шалаша выбрал место, где должен был привязать подсадную утку. И только после этого начал обкладывать каркас шалаша еловыми лапками.

Делал я все это основательно и надолго, был абсолютно уверен, что после меня шалаш еще пригодится кому-нибудь из охотников и он в душе скажет мне, не знакомому ему человеку, спасибо.

Я оставлял широкие отверстия для выстрела в разные стороны, потому что селезень из осторожности, а тем более если он уже обстрелян, сначала садится на воду подальше от подсадной утки, начинает осматриваться, нет ли опасности с какой-нибудь стороны, и достаточно малейшего в это время неосторожного движения охотника, и селезень моментально сорвется с места и улетит.

Поэтому, когда охотник строит себе шалаш, он учитывает все возможные неожиданности.

Я снова переправился на берег, таща за собой резиновую лодку. Наполнил ее сеном из стога, который зимой разрушили лесные обитатели, и перенес на остров. Сделал мягкий настил в шалаше и даже лег, чтобы проверить, насколько он мне удобен.

Показалось, что шалаш слишком узок — мало возможности широкого обзора и трудно действовать ружьем.

Я вышел из шалаша, снял с него лапки, оголил каркас и шире расставил палки. От этого шалаш стал ниже, но шире и просторнее. Я начал снова обкладывать его зеленью, не забывая при этом придать ему как можно более естественный вид. Птица хитрая и видит, что на острове появилось сооружение, сделанное руками человека. Значит, подлетать к нему опасно.

Когда я закончил постройку шалаша, я снова влез внутрь, и он показался мне уже более удобным.

Над шалашом пролетело несколько селезней. Я сожалел, что не взял из машины подсадную утку. Но Медведев сказал, что охотиться

мы будем только по утренней зорьке. Не спрашивая нас, роль руководителя взял на себя Медведев. И мы ему подчинялись.

Смеркалось, но было еще достаточно светло. Я прилег на сено внутри шалаша, думая об утренней охоте и сожалел, что до этих сладких минут целая ночь.

Вдруг я почувствовал, что лежу в воде. Я встал на колени и увидел, что мой настил заливает водой. Я сразу не мог сообразить, в чем дело... Выскочил быстро из шалаша и увидел, что мой остров целиком уже под водой. А до берега было уже не десять метров, а больше пятидесяти.

Лодка моя цеплялась за шалаш. Она могла вот-вот уплыть. Сообразив об опасности, я быстро вскочил в лодку, которая почему-то начала вертеться на месте.

Вдруг я увидел, что по берегу бежит Медведев и кричит:

— Старайся плыть к берегу!.. И скорей... как можно скорей!

Я начал лихорадочно грести. Но вместо того, чтобы приближаться, я видел: берег от меня уходил все дальше и дальше.

По берегу бежал Медведев и что-то кричал. Но я его уже не слышал.

Вокруг меня с шумомплыли глыбы льда. И не видно было ни моего шалаша, ни острова. Бурлила вода, и моя резиновая лодка неслась неуправляемая. Грести было уже невозможно.

Постепенно темнело. Иной раз мне казалось, что вот-вот я подплываю к берегу, но течение вновь отбрасывало мою лодку.

Прошли первые минуты оцепенения. Я начал понимать, что моя лодка не утонет. Во-первых, я знал — и мы не раз это проверяли, — что она выдерживает до десяти человек и что сделана она из плотной резины. Это была настоящая десантная лодка из нескольких секций. Поэтому я постепенно успокаивался. Но спокойствие это было весьма относительное. Когда тебя, человека, не умеющего плавать, ледоходом несет на неуправляемой лодке, — это довольно неприятная штука...

Уже совсем стемнело, но берег был виден отчетливо. Я видел, как два человека с фонарями бежали по берегу. Это были Медведев и Володя. Иногда до меня доносились их хриплые голоса, но лед шумел, и я не слышал, что они кричали.

Я начал соображать и обдумывать: куда меня в конце концов может унести ледоход на Оке. Мысленно стал высчитывать, сколько времени пройдет, пока Ока выбросит меня в Волгу. Потом сообразил, что глупо об этом думать, потому что до Волги моя лодка, конечно, не доживет. Как бы крепка ни была ее резина, льды своими острыми, как ножи, краями разорвут ее.

Потом исчезли из моего поля зрения мелькавшие по берегу фонари Володи и Медведева.

Мне стало страшно. Я почувствовал себя одиноким и беспомощным.

Потом вновь показались фонари, но почему-то уже ближе, почти совсем близко, и я услышал голос Володи:

— Не бойся!.. Только не бойся!..

Меня несло дальше. Я в душе стал ругать себя за то, что выбрал этот островок. Я же мог построить шалаш на берегу реки, как Володя и Медведев, а я выбрал именно этот злополучный остров...

Потом я подумал о том, какое счастье, что моя лодка не успела уплыть от меня, иначе я сразу утонул бы...

Вдруг я почувствовал себя очень счастливым оттого, что сижу в лодке, плыву и пока никакой опасности не ожидаю, даже вижу своих товарищей, с фонарями бегущих по берегу.

Меня что-то сильно толкнуло... На какую-то секунду лодка остановилась, и что-то больно хлестнуло меня по лицу. Это оказались ветки дерева. Я ухватился за них.

— Держись!.. Держись!.. — совсем близко слышались голоса моих товарищей, и я увидел, что фонари двигаются уже не вдоль берега, а бегут ко мне.

К счастью, на повороте реки мою лодку подбросило к берегу, и она зацепилась за затопленные водой деревья.

Когда Володя вытаскивал лодку, Медведев подхватил меня, как ребенка, на руки, прижал к груди и сказал:

— Знаешь, ты молодец!

— Почему я молодец? — спросил я его.

— Молодец, что не утонул, — сказал Медведев.

Сушились мы у костра. Целую ночь не спали, рассказывали всякие охотничьи истории, и Володя мне несколько раз повторил:

— Ты должен бросить охотиться на водоплавающую дичь. Ты при мне мог уже дважды утонуть. В третий раз тебя никто не спасет.

— Я знаю, — ответил я ему, — тонут только те, кто умеет плавать... а я же не умею!..

— Да, но ты так лезешь в воду, — сказал Володя, — как будто лучше всех плаваешь.

— Это я во всем виноват, — сказал Медведев. — Увидев на реке утонувший лед, я не должен был разрешать ему строить шалаш на островке. Когда лед ложится на дно реки, а вода появляется надо льдом, то знаете, что вскрытия льда можно ожидать в любую минуту.

— Ничего, — сказал я. — Когда мне будет сто лет, я уже буду знать все тайны и причуды природы.

БОРИС ЛАВРЕНЕВ — ОХОТНИК

Известный драматург Борис Лавренев был необыкновенно добрым, веселым, жизнерадостным человеком.

Мы с ним дружили и часто бывали вместе. Когда он увидел у меня

дома охотничьи ружья, сказал, что раньше тоже охотился, хорошо стрелял. И попросил меня взять его на охоту.

Первый раз на летнюю охоту мы поехали вместе с ним на Московское море. Я дал ему ружье и патронташ с патронами, и егерь отвез его в отдельный шалаш, недалеко от моего шалаша. И я стал свидетелем того, как Лавренев действительно хорошо стрелял. Он на моих глазах несколько раз сбивал в полете чирков, которые в секунду пролетают пятьдесят—пятьдесят пять метров, и поэтому нужно быть по-настоящему искусным стрелком, чтобы в воздухе прекратить полет такой птицы.

Лавреневу очень нравилась охота. И мы часто стали ездить вместе и на водоплавающую и на боровую дичь.

После каждой охоты он с увлечением мог часами рассказывать о том, как мы охотились, как я мазал и как он здорово, без промаха стрелял.

Меня радовало, что Лавренев был доволен. Я беспрельдно любил этого человека и не возражал ему даже тогда, когда он говорил неправду. А какой охотник не врет?! Вряд ли такой найдется.

Лавренев до такой степени увлекся охотой, что у него появился целый арсенал самых разнообразных охотничьих ружей самых разных калибров.

Однажды он примчался ко мне вечером домой и привез ружье фирмы «Франкот». Это было действительно замечательное садовое оружие. Купил он его у вдовы какого-то охотника.

Время было не охотничье, конец зимы. Мы поехали в подмосковный лес, чтобы проверить, на что способен его «Франкот». Стреляли в мишень. Лавренев был доволен своим приобретением. Даже сказал:

— Я не знаю, что меня больше сейчас увлекает — моя новая пьеса или это ружье...

И он не лгал. Он говорил это от всего сердца.

С нетерпением ждали мы весенней охоты, когда сидишь в шалаше, на воде привязана подсадная утка, и она крикает и призывает жениха. Селезень появляется в воздухе и пикирует прямо к подружке, и он не успевает сесть на воду, как раздается выстрел...

Еще с вечера, в субботу, приехали мы в деревню Редькино. Егерь Валерий и его молодая жена Настя поставили самовар, накрыли стол, и мы сели ужинать.

Борис сразу заговорил о подсадной утке и сказал, что он вычитал в какой-то книжке, что подсадная утка крикает лучше и чище, если в шалаше с охотником стоит корзина с домашним селезнем.

— Да, это правда, — сказал Валерий, — у меня в прошлом году охотился какой-то генерал, держал в шалаше селезня, и охота была у него очень удачная.

Борис сказал, что сегодня хочет взять с собой селезня, и спросил меня, не возьму ли и я тоже.

— Нет,— ответил я,— сначала посмотрю, как это у тебя получается.

В полночь Настя разбудила нас. Валерий внес в дом три корзинки с крышками. В двух из них сидели утки, а в третьей — селезень для Лавренева.

Мы оделись, позавтракали, и было еще совсем темно, когда егерь посадил нас в лодку и мы поплыли к шалахам.

При свете электрического фонарика мы высадили Лавренева, он влез в большой шалаш, усталый сеном, чтобы было мягко и тепло. К нему в шалаш поставили корзину с селезнем и недалеко на воду привязали утку. И поплыли дальше.

Валерий усадил меня в шалаш, привязал на воду утку и ушел, сказав, что придет за нами часов через пять, в девять утра.

В шалаше можно было спать. Но мне не спалось.

Каждое время года имеет свои неповторимые прелести. Весной пробуждается природа, и достаточно тебе остаться наедине с лесом, озером, болотом, заросшим прошлогодним сухим камышом,— и ты услышишь столько незнакомых звуков, переключку болотных птиц и птичек, узнаешь и увидишь столько для тебя нового, что будто ты приехал сюда за тысячи километров, в незнакомую тебе страну.

Постепенно светало... Я увидел, как недалеко от меня, на маленьком островке, шел ток турухтанов.

Я был до крайности удивлен. Несколько десятков птиц токовали и бросались друг на друга, распустив крылья и круглое, широкое жабо на шее из цветных перьев. Мне показалось, что это сон, потому что из целой большой стаи птиц, которые неистово дрались между собой, ни одна не была похожа на другую. Все они по цвету были разные, совершенно разные. Здесь были все цвета радуги: зеленые, розовые, красные, оранжевые, белые, желтые, синие, голубые... Птицы все одинаковой величины, но такие непохожие друг на друга по цвету оперения.

Ни до, ни после этого я такой чарующей красоты не видел. И, конечно, у меня не поднялась рука стрелять по этим чудо-куликам, прекратить это торжество цвета и радости природы.

Я долго, очень долго смотрел на птиц. Я был совершенно очарован. Глядел на них и думал: вот откуда рождаются в народе сказки о жар-птице, о всяких чудесах природы.

Потом в воздухе появился ястреб. И турухтаны с шумом сорвались с острова и улетели.

Когда совсем рассветало, я увидел на воде утку Лавренева. Это было метрах в ста пятидесяти от меня.

Небо было ясное, ожидался солнечный день.

Моя утка молчала, а утка Лавренева все время крикала. Он оказался мудрее меня, взяв с собой селезня. Но сожалеть об этом мне было уже поздно.

Селезни в воздухе не появлялись. Порой так бывает: сидишь часами в шалаше и не увидишь ни одной птицы.

Я уже начал думать, что охота сегодня будет неудачной, но день не считал потерянным, потому что в первый раз в жизни видел ток турухтанов.

Я задремал, наверное.

Меня разбудили два оглушительных выстрела. Я быстро взглянул в сторону шалаша Лавренева и увидел на воде убитого селезня. Но и подсадная утка тоже была убита.

— Вот так!.. — раздался торжествующий возглас Лавренева, вылезавшего из шалаша. Он поднял высокие голенища резиновых сапог и пошел вытаскивать из воды трофеи.

— Но почему ты убил утку? — крикнул я ему.

— Ну, что поделаешь, бывает... — ответил Борис, — задел случайно.

Лавренев, подняв селезня, что-то долго разглядывал и не торопился уходить в шалаш.

— Что случилось? — крикнул я.

— Селезень-то с веревкой на лапке... — смущенно ответил Борис.

Валерий подплыл к Лавреневу, а потом оба подплыли ко мне.

Когда я вылез из шалаша, в лодке лежали убитые Лавреневым утка и селезень. Борис мрачно молчал.

Валерий, парень веселый, ехидно улыбаясь, сказал:

— Зачем ходить на охоту?! Селезней и уток у меня во дворе сколько хотите.

И он рассказал нам, как один охотник приезжал к нему, сидел целые сутки у него дома, не просыхая пил, потом платил деньги за две утки и одного селезня и брал их с собой в Москву как охотничьи трофеи.

Зная Лавренева и видя, что он свою неудачу переживал довольно драматически, я молчал. Но он иногда исподлобья подозрительно поглядывал на меня, чтобы убедиться, нет ли в моих глазах иронии.

Я рассказал ему о турухтанах, о том, какое было чудесное утро, и вообще какая красота — весна! И Борис постепенно убедился в том, что его «прокол» на охоте не так уж меня интересует.

Ни по дороге к дому, ни тогда, когда мы попрощались у моего подъезда, я Борису не напомнил о происшедшем.

Дома, после теплого душа, крепкого чая, я лег и спал до вечера. Вечером жена мне сказала, что дважды звонил Лавренев и просил, чтобы, как только я проснусь, позвонил ему.

Я позвонил. Борис мне сразу сказал:

— У меня к тебе большая просьба: никому не говори, пожалуйста, о том, что со мной случилось, а то засмеют...

Я ему с хохотом ответил:

— Ты сошел с ума!.. Я не дождусь, пока встречусь со всеми нашими, чтобы рассказать о твоём «героизме».

Через полчаса начались ко мне телефонные звонки. Звонили товарищи, наши общие знакомые и смеялись над тем, как я опростоволосился на охоте и двумя выстрелами убил и подсадную утку и домашнего селезня.

Отбиваться мне уже было поздно и трудно, потому что Лавренев был не только большим драматургом, но и удивительным рассказчиком. И он торжествовал оттого, что все наши друзья поверили тому, что «осечка» на охоте с уткой и селезнем произошла со мной, а не с ним.

Честно говоря, я тоже радовался тому, что Лавренев был доволен.

СОДЕРЖАНИЕ

Как я оказался трусом	3
Лабаша	9
Митрофан Иванович	14
Эту ночь никогда не забудем	20
Когда падают каштаны	26
Подсадная коза	32
На Оке	38
Борис Лавренев — охотник	42

Георгий Давидович Мдивани
НЕОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ

Редактор Д. К. И в а н о в.

Технический редактор Е. Н. Щ у к и н а.

Сдано в набор 05.05.81. Подписано к печати
08.07.81. А 01196. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага
газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд.
л. 2,98. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1535.
Зак. № 663. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина, 125865. ГСП, Москва.
А-137, ул. «Правды», 24.

• СПОРТЛОТО •

Каждую субботу проводятся тиражи «Спортлото» «6 из 49» и «5 из 36». Доходы от спортивных лотерей направляются на развитие физической культуры и спорта, строительство спортивных сооружений.

Билеты участвуют в тираже двумя комбинациями номеров.

Выигрыш от 3 до 10 000 рублей.

Главное управление спортивных лотерей